

Глава одиннадцатая

В ПАМЯТЬ ВЕЧНУЮ БУДЕТ ПРАВЕДНИК

Воспоминания
о митрополите
СИМОНЕ
(НОВИКОВЕ)

*«Поминайте наставников
ваших, которые
проповедовали вам
слово Божие,
и, взирая на кончину
их жизни,
подражайте вере их».
(Евр. 13.7).*

**Монахиня Нонна,
в миру Новикова
Нина Михайловна**

Я старше своего брата, владыки Симона, на три года. А еще у меня есть младший брат Александр. Он родился в 1933 г., а я в – 1925 г. Наша родина – село Жолнино Ярославской области. Там тогда стоял наш деревянный двухэтажный дом, доставшийся нашему отцу, Михаилу Гавриловичу, от его родителей. И первый, и второй этажи были жилыми, на них обоих были печи. Только первый этаж – более теплый, поэтому на нем жили зимой, а второй этаж предназначался для летнего времени. Двухэтажные дома в нашей округе – не редкость. Люди здесь были трудолюбивые, земля у нас плодородная, поэтому достаток в крестьянских хозяйствах имелся. К тому же крестьяне села Жолнино до революции не были крепостными. Они после отмены крепостного права как-то сумели освободиться от помещичьей зависимости и обзавелись собственным хозяйством. Наверное, они являлись государственными крестьянами, ведь Ярославская губерния славилась тогда своими льняными холстами. Их во множестве поставляли за границу. А ведь для их выделки требовался лен. И его засеивали на обширных площадях чаще государственные крестьяне.

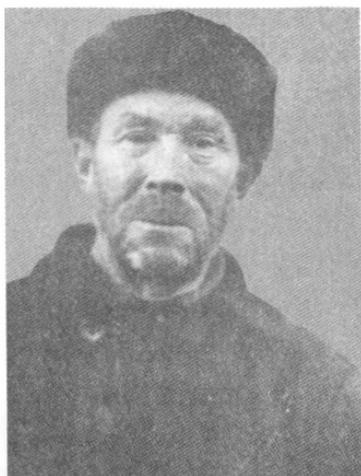
В 1933 г. отец купил новый дом в деревне Кишаново, откуда была родом его жена, моя мама Анна Дмитриевна. Эта деревня от Жолнино всего в двух километрах, правда, на другом берегу небольшой речки Соводранки. Откуда уж такое название произошло,

Село Жолнино, дом № 16, построенный на месте дома Новиковых. Фото 2006 г.

не знаю, но когда-то эта речушка была намного шире и глубже. Ребятишки, в том числе и мой брат Сергей, любили купаться в ней, ловили рыбу, раков. Сережа не чурался мальчишеских компаний. Вместе со сверстниками играл в различные игры. Особенно любили ребятишки играть в лапту. И тем не менее, Сергей стремился все-таки больше читать, чем играть.

Школа у нас находилась в соседнем селе Николо-Отводное. Там же была и Никольская церковь, в которую нас водила мама. Именно она привила нам веру в Бога. Отец на эту тему не распространялся, ведь он после революции работал председателем колхоза. Вообще он был очень трудолюбив, за что его уважали крестьяне. Должность председателя колхоза была тог-

Михаил Гаврилович Новиков

да высокой должностью. Она была выборной. И не случайно именно моего папу выбирали председателем. Он дорожил своей работой и, наверное, именно поэтому старался не говорить с нами о Боге, ведь в те времена за веру можно было угодить в тюрьму. Но папа не воспрещал воспитывать нас в вере нашей маме. Особенно восприимчив к ее наставлениям оказался брат Сергей, ставший впоследствии митрополитом Симоном.

У нас в доме было довольно большое хозяйство: корова, теленок, поросенок, овцы, гуси, куры. Сергей, подрастая, помогал родителям управляться по хозяйству.

Закончив в сельской школе восемь классов, он поступил на учебу в Ярославский химико-механический техникум. А это от Кишаново недалеко – около ста верст, поэтому во время учебы он стал жить там в общежитии. А на каникулы приезжал домой.

В 1947 г., закончив техникум, Сергей стал работать на заводе в поселке Волгострой, что недалеко от Ярославля. Этот завод для отвода глаз выпускал какие-то детские игрушки, еще что-то, но основное производство являлось засекреченным. Большинство цехов работало на оборонную промышленность. Начальником одного из таких цехов и поставили моего брата. Кажется, там было связано что-то с электричеством. Но утверждать ничего не берусь, поскольку Сергей не говорил о своей работе

почти ничего.

На заводе он получал зарплату и, приезжая домой на отдых, всегда привозил подарки. Чаще всего – сладости. Помню большие-пребольшие и красивые-прекрасивые коробки конфет.

Работая на заводе, Сергей ходил в храм, что находился недалеко от Волгостроя, в селе Федоровское. Там тогда служил иеромонах Авель (Македонов). Но и об этом он старался ничего не рассказывать, хотя было понятно, что начальство завода это не только не одобряло, но и, как выяснилось впоследствии, всячески старалось отвлечь его от веры в Бога. Но он был тверд в вере и настолько стремился к познанию Господа, что принял решение поступить учиться в единственную тогда в стране Московскую Духовную семинарию, которая находилась в Троице-Сергиевой лавре города Загорска. Так назывался тогда переименованный большевиками после революции город Сергиев Посад.

Приняв решение учиться в Духовной семинарии, мой брат обратился прежде всего к отцу Авелю. Он рекомендовал его правяще-

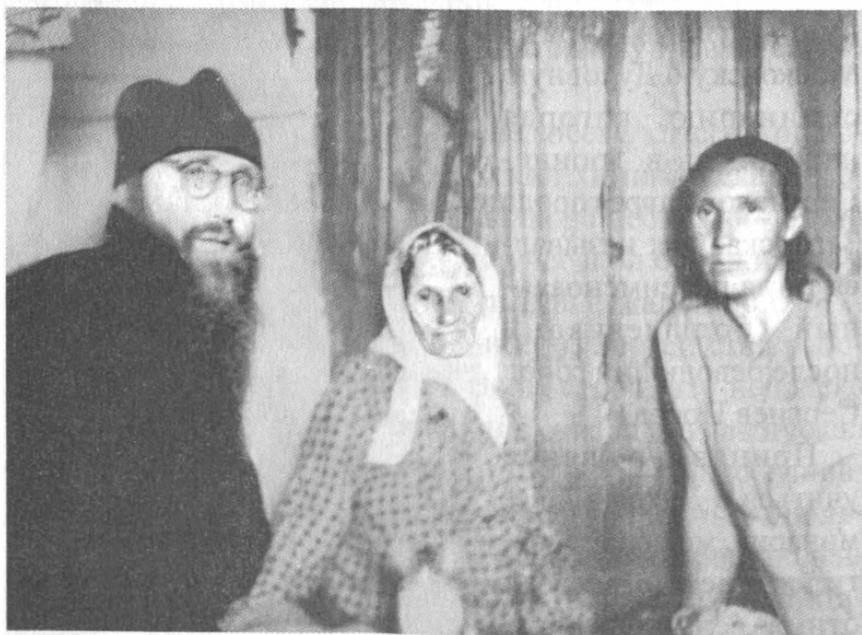

Анна Дмитриевна Новикова

му тогда в Ярославской епархии владыке Димитрию (Градусову). Владыка ходатайствовал о его поступлении в семинарию.

Я как-то не помню, чтобы в нашем доме обсуждался вопрос: поступать или не поступать в семинарию моему брату. Мне тогда казалось, что все получилось само собой, как-то естественно, а сегодня я думаю, что в этом, несомненно, был Промысел Божий. Ведь поступить в семинарию работнику засекреченного военного завода для того времени было немыслимо.

Теперь он стал бывать дома еще реже. Мы скучали по нему и поэтому, по возможности, сами ездили в Загорск, навещали его. Я к тому времени была уже замужем и имела дочку Лиду. Он был ее крестным и

Монах Симон с мамой и сестрой Ниной

Иеромонах Симон с родителями

очень любил. Мы приезжали к нему вместе с ней. Отец также навещал его в семинарии.

Когда же он сам приезжал на родину, домой на каникулы, то любил ходить в лес по грибы, по ягоды.

Но вскоре мы осиротели. В 1961 г. умерла мама, а в 1966 г. – папа. Монах Симон – такое имя получил мой брат после пострижения в 1957 г. – приезжал на похороны, очень горевал, поскольку сильно любил родителей, и пронес эту любовь через всю жизнь. В каждый приезд он ходил на их могилки, служил панихиду и обихаживал место их упокоения, на которое впоследствии установил гранитные кресты, тем самым выражая свое земное уважение к их памяти. А для себя заказал художнику нарисовать их живописные портреты, которые ныне находятся в родительском домике в селе Кишаново. После смерти мамы и папы в нем никто не жил. Мы с му-

жем построили свой дом вскоре после свадьбы, а мой брат Александр жил в селе Федчино. Но мы с мужем и Александром следили за родительским домом, в который при любой возможности приезжал из Загорска мой брат. Будучи иеромонахом, а потом и архимандритом, он по приезде всегда старался сам провести богослужения в родном Никольском храме, где его когда-то крестили.

Когда иеромонаха Симона определили сначала преподавателем семинарии, а потом инспектором Московских духовных академии и семинарии, дома он стал бывать совсем редко, и лишь став архиепископом Рязанским и Касимовским, получил возможность на рождественские и пасхальные каникулы приезжать на родину. Его приезды всегда были большим праздником для всей округи, ведь теперь в нашей сельской Никольской церкви проводились архиерейские богослужения, на которые стекалось множество народа из всех деревень в округе. Владыка Симон настолько любил свою родину, так горячо молился о ней, что увлек своим усердием и других архиереев – архиепископа Михея и архиепископа Кирилла. Однажды вместе с ними он приехал в Кишаново и служил в Никольской церкви. Представьте себе, у нас в Никольском храме была служба сразу трех архиереев.

Владыка Симон часто говорил со мной о вере, а после смерти мужа призывал постричься в монахини, но я все была как-то не готова. И лишь когда мой брат ушел на покой в Николо-Бабаевский монастырь, я решилась постричься. Владыка сам постригал меня с наречением имени Нонна, что оз-

начает «Богу посвященная».

В последние годы жизни он часто болел, но никогда не жаловался мне на то, что ему приходится претерпевать во время болезней. А ведь у него болезни были тяжелые. Я всегда старалась приехать к нему в монастырь, утешить. Конечно, очень переживала. Владыка чувствовал свою кончину и написал завещание, в котором просил похоронить его рядом с дорогами ему могилками родителей. Однако управляющим Ярославской епархией архиепископом Кириллом было принято другое решение. Я вначале была недовольна, однако потом поняла, что если бы митрополита Симона похоронили у нас, то его почитателям было бы очень трудно приезжать сюда, ведь ни

Монахиня Нонна с дочерью Лидией у могилы владыки Симона

автобусного, ни железнодорожного сообщения с нашей деревней нет. Владыка, когда принимал решение о месте своего захоронения, по-видимому, даже и не подумал, что у него есть множество почитателей и что все они будут стремиться почтить его память, приезжая к месту упокоения. А кроме того, по своей скромности, он и не мечтал быть похороненным на месте обретения святых мощей святителя Игнатия Брянчанинова.

В этом я вижу Божий Промысл. Думаю, что таким образом, Господь показал нам, что митрополит Симон был праведником и приобрел у Бога великие милости.

**Лидия Глазунова,
племянница
митрополита Симона**

Я родилась в 1949 г. в с. Кишаново Ярославской области. Моя мама, Нина Михайловна Быткова (урожденная Новикова) – родная сестра митрополита Симона. Мои родители вскоре после бракосочетания стали строить свой дом. Это отнимало у них все свободное время, поэтому они отдали меня жить к дедушке и бабушке – Михаилу Гавриловичу и Анне Дмитриевне Новиковым. Так я оказалась в доме, где родился и жил Сергей Михайлович, будущий митрополит Симон. Дядя Сергей был моим крестным отцом, и я называла его «кока». Так у нас на ярославской земле называли крестных отцов.

Дядя Сергей в то время работал начальником цеха на военном заводе в поселке Волгострой, что недалеко от Ярославля.

Дедушка и бабушка были благочестивыми, глубоко верующими людьми. Они водили меня в Никольский храм, который находился в соседнем с Кишаново селом Николо-Отводное. А дядя Сергей ходил в храм, что находился недалеко от Волгостроя, в селе Федоровское. А когда выпадала возможность помолиться в Никольской церкви, на своей родине, то всегда брал меня с собой. Порой сажал к себе на плечи, да так и нес к Божьему Дому. Я держалась ручонками за его голову и так рада была! Потом он, вспоминая наши походы в Никольскую церковь, иногда шу-

Родители митрополита Симона

тил: «Помнишь, Лида, как ты за мои уши держалась»?

Родители митрополита Симона, мои дедушка и бабушка, были обыкновенные крестьяне. Но народ их очень уважал. Анна Дмитриевна закончи-

ла всего-навсего два класса начальной школы, но была настолько мудрой женщиной, что вся округа ходила к ней за тем или иным советом.

А дедушка Михаил Гаврилович был очень трудолюбив. Он работал в колхозе, ухаживал за стадом племенных быков-производителей. Помню, что они были большие, сердитые, с кольцами в носу. Это для того, что если вдруг бык начинал себя очень беспокойно вести, «беситься», можно было схватить его за кольцо и усмирить.

Михаил Гаврилович хорошо справлялся со стадом. Быки его слушали. Но дедушке завидовали: много денег получает. Когда же ушел он на пенсию, то, наоборот, добрым словом стали вспоминать. Быки не признали нового хозяина и во время беспокойства стали нападать на людей.

Дедушка с бабушкой держали свое хозяйство – корову, овец, кур, гусей. Дядя Сергей помогал своим родителям. Ухаживал за скотиной, косил сено. Косцом он был отменным. При косьбе стоял прямо, взмах косы был ровный, широкий. Трава словно сама стелилась ему под ноги.

Страда в Ярославском колхозе. Фото начала XX в.

Помню, когда он ходил в сарай за сеном, то брал с собой и меня. Накладывал сено в большую корзину, наверх сажал меня и нес.

Как и его родители, Сергей Михайлович пользовался большим уважением. Только благодаря тому, что он хорошо работал, не имел вредных привычек, находился в послушании у начальства, его держали на заводе. А то бы как верующего в Бога прогнали, ведь верующих в то время считали за ненормальных. Можно только догадываться, чего ему стоило хранить веру и в то же время уживаться с безбожниками-коммунистами. Они не раз вызывали его «на ковер», пытались «перевоспитать» его, обещали продвижение по службе за отказ ходить в церковь, угрожали прогнать с работы. В одной из га-

зет его высмеяли и оскорбили. Но Сергей Михайлович не изменил своей вере.

Тогда его попытались отправить на «перевоспитание» в армию, хотя по близорукости он освобожден был от воинской службы. Однако в армию его забрали. Честь по чести проводили, и отправился он с вещичками на сборный пункт. Но, как вспоминал потом митрополит Симон: «Прослужил я в армии всего три дня, так как врачи, благодаря моей близорукости, освободили меня от воинской обязанности».

Так Господь хранил его.

Вернувшись на завод, дядя Сергей продолжал ходить в церковь, где к тому времени стал служить иеромонах Авель (Македонов), ставший впоследствии в Рязанской епархии наместником Иоанно-Богословского монастыря.

Они подружились. Сергей Михайлович поведал ему о своем желании учиться в Московской духовной семинарии. Отец Авель рекомендовал его правящему тогда в Ярославской епархии владыке Димитрию (Градусову). Владыка одобрил решение Сергея Новикова и ходатайствовал о его поступлении в семинарию. Так мой дядя стал учиться в духовном заведении.

Хорошо помню, как мы с бабушкой и дедушкой ездили в Загорск, так называлась тогда Троице-Сергиева лавра. Дядю тогда постригли в монахи с именем Симон, что значит «слушающий Бога». Среди монахов, одинаково одетых в черные рясы, мы не сразу узнали его. А когда Анна Дмитриевна увидела своего сына, то почему-то постеснялась сразу подойти к нему и подослала меня. Я подошла к группе монахов и дернула за рясу того, на которого указала мне бабушка.

«Ты мой кока?» – спросила я. «А, Лидушка дорогая, здравствуй!» Как же он был рад нашему приезду!

А однажды Михаил Гаврилович навещал сына в Великий пост. Узнав, что монахи едят только сваренную в «мундире» картошку и чай, очень жалел их.

Когда мой дядя, монах Симон, приезжал на каникулы, то всегда помогал родителям по хозяйству. Ходил вместе со мной по грибы и по ягоды. Тогда в наших краях росло много земляники. Он собирал ее, а потом толлок в молоке и добавлял сахар. Это было для нас лучшее лакомство. А еще мы собирали ягоды черемухи в пустую бутылку. Потом добавляли туда са-

Каникулы на родине. Работа в огороде

хар и трясли. Черемуха теряла свою терпкость, становилась сладкой и разбухала. Мы ее вытрясали и ели.

Закончив семинарию, а потом и академию, иеромонах Симон послужил преподавателем, а потом был определен инспектором Московских духовных академии и семинарии.

За труды он получал небольшое жалованье. Приезжая на родину в Кишаново, стал покупать подарки. Он очень любил детей и по приезде одаривал деревенских ребятишек игрушками. Девочкам дарил куклы, мальчикам – машины. И, конечно же, для всех имел конфеты. Малышня меня все время спрашивала: «Когда твой кока приедет, когда твой кока приедет?» Но получилось так, что я сама приехала к своему крестному, когда он был в должности инспектора, устроилась работать библиотекарем Троице-Сергиевой лавры. Заведующим библиотекой был тогда Владимир Кучерявый, который в последние годы жизни митрополита Симона жил вместе с ним в Николю-Бабаевском монастыре.

А вскоре я вышла замуж за ученика Духовной семинарии Георгия Глазунова. Мой дядя, тогда уже архимандрит, одобрил этот брак и для нашего венчания попросил у ректора Духовной академии архиепископа Филарета (Вахромеева) автомобиль.

Венчались мы в Ильинском храме, недалеко от лавры. Подъезжали и уезжали на ректорском автомобиле. «Автомобиль этот непростой, – говорил мне потом по секрету архимандрит Симон, – на нем в свое время ездили сначала сам Сталин, а потом Георгий Жуков».

Прошли годы. Архимандрит Симон был наречен во епископа Рязанского и Касимовского. Мой

*Священник Георгий Глазунов и матушка Лидия
с владыкой Симоном*

супруг, священник Георгий, получил приход в Сергиевском храме села Эммануиловка.

Владыка Симон часто бывал у нас. После обретения мощей особо почитаемого им святителя Феофана Затворника Вышенского он, по благословению патриарха Алексия II, определил быть им в ближайшем от Вышенского Успенского монастыря Сергиевском храме. Сам монастырь был тогда разорен, а в уцелевших зданиях размещалась психиатрическая больница.

Владыка всегда приезжал в Эммануиловку на дни празднования святителя Феофана. Проводил архи-

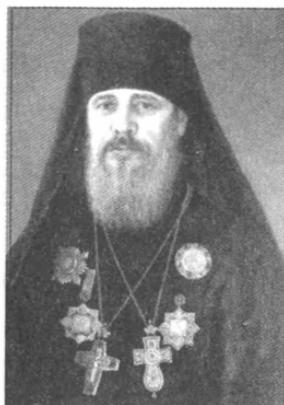
ерейские службы. К тому времени он был в сане архиепископа.

Вообще владыка любил сам проводить богослужения. Много ездил по епархии, хотя стал все чаще и чаще болеть.

У него был сахарный диабет и болели суставы. Кроме того, он однажды попал в автомобильную катастрофу. Долго лечился. Я часто ухаживала за ним. Болезни он переносил с терпением и смирением. Однако здоровье у него было все хуже и хуже. Чувствуя приближение кончины, владыка составил завещание, в котором просил похоронить его на родине, в селе Кишаново. Это он сделал потому, что никогда не требовал к себе внимания. Он и не думал, что к нему даже после смерти будет стекаться множество народа.

До самого конца проявлял он скромность, свойственную истинным монахам.

**Архимандрит Амель,
с 1991 по 2004 г.
наместник Иоанно-
Богословского монастыря
+ 2006**

Я познакомился с Сергеем Михайловичем Новиковым, будущим митрополитом Симоном, в 1950 году. Тогда меня, в сане иеромонаха, послали служить в Ярославль. А владыка был родом недалеко от этих мест. В то время он работал на одном из ярославских заводов электриком. Любил ходить в храм на богослужения. Имея хороший музыкальный слух, пел в церковном хоре. Я заприметил его. Сергей Новиков был скромный молодой человек, дисциплинированный, ведь работал-то он на военном заводе. Я узнал, что он живет в городе без родителей, в общежитии. Мне захотелось пригласить его в гости. Однажды после службы я предложил ему прийти ко мне на ужин. Он согласился. Мы стали общаться, подружились. В возрасте у нас была небольшая разница, он всего на год моложе меня. А выглядел, как мне говорили, старше. Сергей Михайлович имел техническое образование, он закончил Ярославский химико-механический техникум, но в душе был гуманитарием. Мечтал поступить в Московскую духовную семинарию, которая в то время была одна-единственная на всю нашу страну. Я поговорил об этом с правящим тогда ярославским архиереем, владыкой

Димитрием (Градусовым). Рекомендовал его как глубоко верующего человека, стремящегося послужить нашей православной церкви. А потом и представил ему Сергея Новикова.

Владыка Димитрий был удовлетворен этой встречей и стал ходатайствовать о его поступлении перед Московской патриархией и ярославским комитетом по делам религий.

Благодаря этому в 1950 г. Сергей Михайлович поступил в Духовную семинарию. А я перевелся слу-

жить в село Федоровское, в церковь в честь Тихвинской иконы Божией Матери. Бывая на каникулах, Новиков приезжал туда ко мне.

Потом меня перевели в Рязань. Он стал приезжать ко мне туда.

Наше непосредственное общение прервалось, когда меня послали на Афон в Свято-Пантелеимонов монастырь. Прошли годы. Сергей Новиков стал архимандритом Симо-

Сомолитвенники: архимандрит Авель и архимандрит Симон

Архиепископ Симон в Пантелеимоновом монастыре на Афоне

ном.

В 1972 году на Афоне прибыл патриарх Московский и всея Руси Пимен. После богослужения он подошел ко мне и тихо так, на ушко, сказал: «Друга вашего мы решили на Рязанскую кафедру епископом поставить».

После того, как я из Афона вернулся в Рязанскую епархию, то некоторое время служил в Борисо-Глебском соборе, а потом был назначен настоятелем Иоанно-Богословского монастыря.

Через некоторое время стал духовником Рязанской епархии.

Выполняя это послушание, я должен был подго-

После первого богослужения
в Иоанно-Богословском храме

тавливать характеристики на тех, кто хотел рукополагаться во священники. Скажу прямо, я не всех рекомендовал к рукоположению, но владыка Симон поступал по-своему. И не со всеми действиями в его управлении епархией я был согласен. Но это было мое частное мнение. Я знал, что добрых и полезных дел владыка Симон делает очень много.

**Митрополит
Воронежский
и Борисоглебский
Сергий**

Мои воспоминания о владыке Симо-
уходят в те давние времена, когда, бу-
чи маленьким мальчиком, я знал его
де как отца Симона. И все, что связывало его с ака-
мией, с лаврой, я отлично помню: иеромонах, игу-
ен, архимандрит, инспектор Московской духовной
адемии и семинарии. Мое становление проходило
и нем, на его глазах. Мы приходили в семинарию –
йствительно по призванию, и нужно было большое
ужество, чтобы переступить этот порог.

Но если сейчас поступающие в семинарию про-
о не знают молитв от лени, то мы не знали их
тому, что невозможно было найти молитвослов,
ангелие. Хорошо, если у кого-то были знакомые
брые люди, батюшки, которые могли дать эти кни-
. Приходили мы довольно «сырыми» в плане зна-
й, хотя семинарская программа требовала от нас
ознанного знания утренних, вечерних молитв, зна-
я Священного Писания.

Я рос по соседству с Троице-Сергиевой лаврой,
ня все знали, но в моем духовном воспитании отец
спектор Симон, как и в духовном воспитании всех
ащихся семинарии и академии, сыграл огромней-
ую роль.

Это был, с одной стороны, администратор, а с дру-
й – настоящий пастырь, который воспитывал ребят

своим примером, своим мудрым отношением. Строгость была невероятная, но она растворялась в любви. Понятно, что многие были недовольны строгостью отца Симона, но озлобления на него никогда не было. Мы видели, что все это направлено только на подготовку будущего пастыря.

Обладая поистине энциклопедическими знаниями, он имел дарование донести их до студента, скучный материал умел сделать живым и интересным.

Особенно мы любили, когда во время самоподготовки вечером он приходил в наш класс, и мы откладывали все занятия и слушали, затаив дыхание.

Его проповеди были простые, но очень глубокие. Он умел подчеркнуть значимость того или иного евангельского праздника.

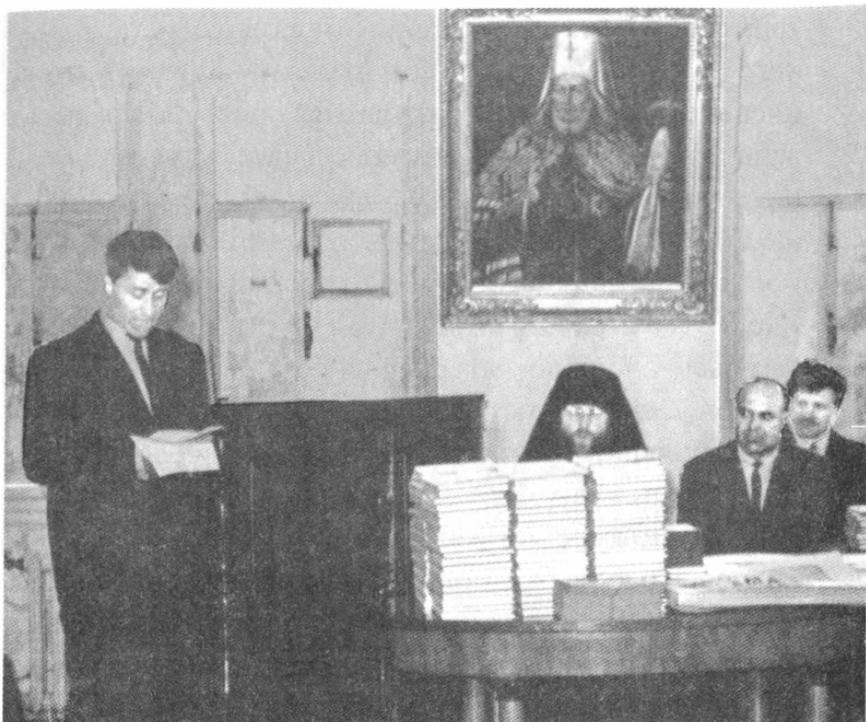
По своему духовному настрою отец Симон жил «Добротолубием». До нас все семинаристы изучали «Столп и утверждение Истины» священника Павла Флоренского. В 60-е годы, когда мы пришли учиться в семинарию, благодаря игумену Марку (Лозинскому) и архимандриту Симону особенно полюбили «Добротолубие» — мы это читали, мы это знали.

Вся жизнь отца Симона — это жизнь человека, который руководствовался «Добротолубием».

И все это богатство он стремился донести до человека, его речь была насыщена при-

Игумен Марк (Лозинский)

Отец инспектор архимандрит Симон принимает экзамен

мерами из «Добролюбия», жизни святых. И в обыденном общении он всегда ссылаясь: «Вот этот святой так делал... А вы что, не знаете это? Давайте, я вам расскажу...» И рассказывал так, что дух захватывало, — он очень живо говорил. Я всегда с удовольствием его слушал.

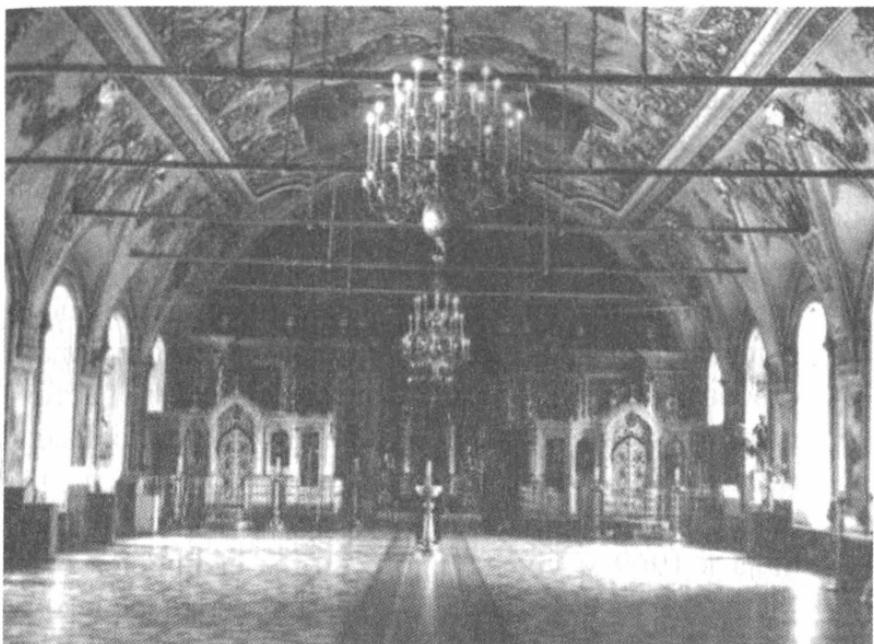
И вместе с тем (он же жил в академии, на виду у ребят, где ничего не скроется) поражала простота его жизни. Мы видели, что это человек, который чужд предметов роскоши: он всегда держал себя в рамках, в которых его воспитали.

Его окружал благодатный круг людей. Это нынешний митрополит Минский Филарет (тогда он был рек-

тором), протоиерей Алексей Остапов (секретарь учебного совета). Мы их так и называли – «рис» (ректор, инспектор, секретарь). И когда этот «рис» собирался (а решали они на таком малом совещании буквально все), никто не боялся напрасных наказаний, каких-то взысканий. Это был настолько творческий подход к личности, это имело такое глубокое воспитательное значение, что не страшно было попасть в руки этого «риса»: там было сплошное доверие, любовь и понимание.

При всей строгости отца Симона мы пользовались очень большими, я бы сказал, демократическими правами. Если кто-то из нас провинился, и провинился здорово, то курс мог взять его на поруки – это допускалось. Но курс был полностью ответственный, и мы понимали эту ответственность, и тогда уже этого провинившегося мы так держали и так докапывались до истины, почему он это сделал, что ему уже не хотелось повторять своих ошибок...

Я не раз исполнял просьбы отца инспектора: когда ему нужны были сувениры к торжественным дням, он мне поручал их покупать. И я, имея опыт, брал в магазинах чеки, какие-то квитанции и приносил ему. И он говорил: «Мне, братец (у него было обращение «братец»), это не нужно». – «Но это же, отец инспектор, Вы можете сдать в бухгалтерию...», на что он отвечал мне: «Нет, братец, это мои личные деньги. И у меня денег хватает, слава Богу. Это невозможно, чтобы я, имея возможность купить какой-то сувенир, оплатил бы его за счет Церкви». Он и ребят поздравлял, сувениры эти раздаривал... Естественно, в академии был фонд, но он туда руку никогда не запускал: «Владыке ректору это нужнее, а я в состоянии купить...»

Трапезный храм Троице-Сергиевой лавры

Я имел счастье видеть отца Симона очень часто, потому что сначала был пономарем в Покровском академическом храме, а потом стал иподиаконом. Я мог подойти к нему во время богослужения и разрешить какой-то недоуменный вопрос.

Часто вместо ответа я получал такой урок: он задумывался, молчал, сосредотачивался, а потом говорил: «Братец, давай помолимся! Давай положим 12 поклонов... Господь разрешит это недоумение». И мы с ним на удивление всех били поклоны в алтаре. Естественно, после этого все разрешалось, все вставало на свои места.

Связь с лаврой у него была, конечно, удивительная, и такие наши подвижники благочестия, как почивший архимандрит Тихон (Агриков), отец Кирилл (Павлов),

отец Наум, входили в круг его ближайших друзей, с которыми он духовно общался и, мне кажется, от которых у него не было никаких секретов.

В академии был такой замечательнейший человек – игумен Марк (Лозинский). В духовном плане он был очень близок отцу Симону, отношения у них были теплые и братские. Казалось бы, невозможно в такое атеистическое время, когда все просматривалось и прослушивалось нашими идеологическими государственными структурами, было создание ими настоящего духовного оазиса – это дорогого стоило. Вспоминая академический период, должен отметить, что отец Симон одним из первых ушел из академии. Сначала в 1969-м ушел Тихон, потом скончался отец Марк... А в 1972 году был призван к архиерейскому служению архимандрит Симон. Это совершилось на Покров. Хиротонию возглавлял митрополит Таллинский и Эстонский Алексей (будущий святейший патриарх). И я бы сказал, что тот духовный накал, то духовное горение, которые были в семинарии, стали постепенно уходить. К сожалению, все стало превращаться в обычную учебную структуру. Я не критикую, но мне так кажется, я тогда и лично на себе ощущал: с уходом отца инспектора мы очень много потеряли. Этот пробел новые инспекторы, а потом и новые ректоры восполнить уже не могли. Это была уже другая Духовная школа, это была другая атмосфера... Я не хочу сказать, что стало хуже, но это было уже абсолютно другое... При встречах со своими сокурсниками и людьми, которые учились тогда в академии, мы с любовью вспоминаем то время, когда был строгий, но очень духоносный и светлый инс-

пектор – отец Симон (Новиков), который создавал в школе особую духовную атмосферу.

Позже мне приходилось встречаться с владыкой Симоном довольно часто. Я бывал у него в Рязани молодым еще иеромонахом, и это общение переполняло меня чувством благодарности.

Потом я приезжал к нему уже как человек, облеченный властью, будучи управделами Московской патриархии. Тогда уже у нас были немного другие отношения – я помогал ему решать какие-то вопросы. Он в то время, как администратор, не совсем вписывался в новую структуру – для него это было не так легко, но Господь его никогда не оставлял. Я знаю, что ему очень много помогали представители Рязанской администрации, Центрального федерального округа, потому что

Архиепископ Симон, архимандрит Апель и архиепископ Сергей с представителями рязанской администрации в дни празднования 800-летия Рязанской епархии

он святой человек, и они ощущали его особую святость. Для всех владыка Симон был носителем какой-то особой благодати. Люди очень любили с ним общаться, а это огромный круг: сюда входили миряне, священнослужители, целый ряд архиереев, которые у него окормлялись и учились простоте жизни. И, естественно, это светские власти. Конечно, может, не совсем мы понимали его. По своему духовному настрою он так и не решился переехать на новое место жительства и оставался в своем совершенно завалившемся домике (ул. Фрунзе, 28). Когда я к нему приезжал и уговаривал его переселиться, он, улыбаясь, отвечал: «Владыка, я думаю, что придет молодой, и он устроит как ему нужно, по-своему. А мне благословите дожить здесь свои дни...»

Жить и работать в таких условиях – это действительно подвиг: изба небольшая, там было епархиальное управление. Люди, которые с ним работали, это настоящие подвижники. Абсолютно никаких бытовых удобств не было, две маленькие комнаты, где он жил, и крошечный зальчик, где он принимал людей. Но по-прежнему владыка Симон

был гостеприимным хлебосольным хозяином. И когда мы к нему приезжали, не отказывались от позднего ужина – не потому что хотелось нам поесть, а чтобы пообщаться, обсудить какие-то вопросы. Если надо было выезжать служить за город, то беспокойный владыка старался приехать до назначенного времени. Вот такое благоговейное отношение к своему долгу.

Когда владыке исполнилось 75 лет, никто вообще не думал о том, что он должен уйти на покой. И когда я приехал поздравлять его с 75-летним юбилеем, то передал желание Его святейшества и сам приложил максимум усилий, чтобы уговорить его остаться еще на кафедре.

Но владыка был очень мудрый человек, и он сказал: «Отпустите меня на покой, пожалуйста. Я хочу заняться учеными трудами. Я очень люблю святителя Игнатия Брянчанинова и хочу свой труд посвятить его творениям...» Святителем Игнатием владыка Симон никогда не переставал увлекаться. Я думаю, что это идет оттуда, от времен его инспекторства, от тех далеких лет. Будучи рязанским архиепископом, он много сделал, чтобы прославить и святителя Феофана Затворника (он его очень любил, глубоко знал его творения), но, очевидно, Игнатий Брянчанинов был ему ближе по духу. Мы его уговаривали, предлагали назначить еще одного викарного епископа, только будьте на месте, на свещнице, не уходите. Но тверд был старец в своем решении, бескомпромиссен. Он настоял на том, чтобы уехать в Николо-Бабаевский монастырь, который был очень неустроенным. Но он уверил священноначалие, что у него там родственники рядом и все будет устроено наилучшим образом. Ока-

залось, что это далеко не так. Но это было его желание. Может, как святой человек, он не думал об этом — его бытовые условия в монастыре приводили всех в священный трепет, а для него это было нормальным состоянием, и он все воспринимал с радостью.

Я видел его в общении с разными людьми. В Рязанской области в Иоанно-Богословском монастыре служит отец Авель, бывший игумен русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, святой человек по своей жизни. Надо было видеть и ощущать это уважение и почитание владыкой Симоном отца схиархимандрита. Не зная, кто из них митрополит, кто архимандрит, можно было как-то спутать — уважение и послушание старца-митрополита старцу-архимандриту проявлялось во всем. Здесь не было администратора — он просто растворялся в любви отца Авеля, который свято его чтит и без его благословения ничего в монас-

Архиепископ Сергей в Иоанно-Богословском монастыре

тыре не делал.

Послушание священноначалию владыки Симона было просто бескомпромиссное, безоговорочное, как воле Божией. Все указания он принимал как данность, и принимал с любовью, и все исполнял, что ему предписывалось, но исполнял творчески, потому что в нем, безусловно, жил Дух Святой, Который все преображал в творческую энергию.

Духовенство в Рязани было счастливо под святительским омофором владыки Симона. Рязанская епархия очень спокойная, очень молитвенная... Это лишний раз подчеркивает, что мир живет по законам любви и никакие силовые приемы или задумки не имеют права на жизнь там, где есть любовь. Любовь побеждает все.

Святейший патриарх Пимен видел в нем человека, который соответствует его (и не только его) представлению об истинном архиерее, и всегда ставил владыку Симона в пример другим преосвященным.

Владыка Симон и владыка Сергей

Его святейшество патриарх Московский и всея Руси Алексей II, при всей занятости, неоднократно посещал Рязанскую землю. Конечно, не только из-за рязанских святынь, но и для того, чтобы пообщаться с этим старцем-митрополитом, который излучал любовь и воплотил ее в своей жизни – работая над собой, стараясь делать доброе, хорошее людям.

Думаю, что скоро появятся какие-то его записки, дневники. Владыка – человек творческий, оставил эпистолярное наследие, которое привлечет очень многих людей, потому что его богословие, вера не были сложными – он жил в простоте своей веры и любви к Богу и к людям.

Пройдет немного времени, и, я думаю, Господь явит его жизнь как святого человека. На таких святых людях держатся наша земля и наше Православие.

**Архимандрит Андрей (Крехов),
настоятель Свято-Троицкого
монастыря г. Рязани**

К Богу я пришел благодаря моей теще Пустошкиной Татьяне Тимофеевне, которую у меня на родине, в Сапожке, все почитали за праведницу. Она вела монашеский образ жизни, и я, глядя на нее, считал, что если человек верит в Бога, то он обязательно должен быть монахом. Когда я еще учился в пятом классе, тетя Таня предсказала мне, что я буду учиться в Духовной семинарии. Трудно было в это поверить, и поначалу мой жизненный путь сложился совсем по-другому. Сначала я закончил Рязанский строительный техникум, а потом элитное учебное заведение – Московский государственный университет. Однако желание быть священником не угасло во мне, а наоборот, со временем даже окрепло.

Поэтому, когда в 1974 г. я впервые пришел на прием к митрополиту Симону, он тогда был еще архиепископом, то сразу сказал ему о своем намерении. «Доброе дело, братец, – с улыбкой ответил владыка, – но сначала поучиться бы надо».

После этого разговора я стал усердно посещать богослужения в храмах и готовиться к поступлению в Духовную семинарию. В то время, чтобы поступить туда, надо было пройти через многие препоны. Через давление начальства на работе, через профком, партком, через грозную структуру КГБ (Комитет государственной безопасности). На меня пытались подействовать через маму. Приехало начальство из района, ста-

ли ее уговаривать, чтобы она повлияла на меня: «Не надо поступать вашему сыну в семинарию, мы определим его на хорошую должность, дадим квартиру, будет перспектива роста на должности».

А главное, были, так сказать, и подводные камни. К примеру, подаст человек документы на поступление в семинарию, а его перед самыми экзаменами забирали через военкомат на военные сборы, и он пропускал эти вступительные экзамены.

Владыка Симон знал все эти хитрости и поэтому сказал мне: «Подавай документы в семинарию за три дня до экзаменов, а я помолюсь, чтобы все было хорошо».

Так по молитвам этого прозорливого архипастыря я благополучно поступил в Московскую Духовную семинарию. А по ее окончании – в Духовную академию. В 1987 г. исполнилось предсказание моей тети Тани – я постригся в монашество. Постригали в Троицком храме Троице-Сергиевой лавры у мощей самого преподобного Сергия, игумена Радонежского и всея Руси чудотворца.

Когда я учился, то на лето приезжал на каникулы в Рязань, и часто в то время, когда владыка брал отпуск и уезжал к себе на родину – в село Кишаново Ярославской области. И он всегда брал меня с собой, чему я был очень рад, поскольку мне всегда хотелось находиться рядом с таким высокодуховным человеком, как архиепископ Симон.

А добираться до его родины было тогда нелегко. Надо было ехать до Москвы, из Москвы до Ярославля, из Ярославля на электричке до станции Догадцево, а со станции десять километров пешком. Но с мо-

литвами и духовными разговорами время в дороге проходило быстро.

В Кишаново мы жили в деревянном домике его родителей. Владыка обустроил там домовую церковь. Каждый день он вставал в пять часов утра и будил нас на утреннее молитвенное правило звоном колоколов маленькой домовой звонницы. После молитвы трапезничали, а потом занимались разными домашними делами, обустроивали территорию вокруг домика.

Архиепископ Симон в огороде родного дома

Владыка Симон очень любил цветы, разбил вокруг домика клумбы и просил меня почаще поливать их. «Поливай, поливай, отец Андрей, – говорил он, – цветочки тебе за это благодарны будут».

Архиепископ брал нас с собой на могилки своих родителей. Он очень почитал их память, служил по ним панихиды, а в домашней церкви заупокойную обедню.

После окончания академии я был направлен в Рязанскую епархию. Первая церковь, в которой мне пришлось служить, была Борисоглебская церковь города Рязани.

В 1988 г. праздновали 1000-летие крещения Руси. После революции 1917 г., когда к власти пришли без-

В день перенесения мощей святителя Феофана

божники, это был первый праздник, который православная церковь праздновала совместно с Советским государством. Архиепископ Симон, будучи мудрым человеком, знавшим все тонкости дипломатии, почувствовал изменения в политике государства и, пользуясь моментом, стал хлопотать об открытии новой церкви в Рязанской епархии. Причем он знал, что к рязанскому уполномоченному по делам религий (кажется, Борисов его фамилия) обращаться бесполезно. Жестко он вел себя по отношению к православной вере и, в частности, по отношению к владыке Симону. Мне пришлось быть свидетелем того, как Борисов отчитывал архиепископа Симона, как мальчишку, за какие-то пустяки. Каково-то было стоять навывтяжку перед уполномоченным облеченному высоким саном нашему вла-

дыке, выслушивать грозные окрики. Но лучше уж худой мир, чем добрая ссора, так считал наш архиерей и не видел никакого смысла перечить Борисову.

Поэтому, задумав открыть в епархии церковь, он обратился через своих знакомых к уполномоченному по Центральному федеральному округу В. Н. Подшебякину. Владыка знал, что если придет указание из Москвы, Борисов среагирует положительно. И действительно, московский уполномоченный попросил рязанского разрешить открыть церковь, и тот дал согласие. Но какую церковь он разрешил открыть – одну из самых разрушенных в области – Архангельскую церковь села Малинки. Вероятно, он надеялся, что епархия просто не сможет ее восстановить.

Но эту церковь хранил сам Господь. Только чудо спасло ее от полного разрушения в 1977 г. Участник

В.Н. Подшебякин, Владыка Симон и отец Андрей

событий того времени рассказывал мне, что власти решили ее взорвать. Приехали в два часа ночи, заминировали ее. Все происходило под началом какой-то строгой, грозной женщины в кожаной куртке. Напоследок она зашла в церковь и вдруг страшно закричала: «Стойте, не надо ничего больше делать, уезжаем отсюда». Когда она вышла, ей стали доказывать, что нельзя уезжать, что есть постановление о взрыве и они должны его выполнить. Но она вновь так страшно закричала, что все собрались и уехали.

И вот эту церковь передали епархии. В то время в России это был один из первых случаев передачи храма верующим.

Архиепископ Симон, по-видимому, памятуя о том, что я имел строительное образование и некоторый

На перенесении списка с чудотворной иконы Божией Матери «Споручница грешных» в Успенскую церковь Никольской богадельни на ул. Чкалова

Посещение Михайловского Покровского монастыря

опыт работы, решил назначить меня настоятелем этой церкви. Но сделал это как-то очень деликатно. Даже предложил мне выбор – быть настоятелем либо разрушенной Архангельской церкви села Малинки, либо более или менее обустроенной Введенской церкви села Троице-Лесуново. Но чувствовалось, что владыка желает, чтобы я занялся восстановлением Архангельского храма. И я выбрал именно его. Помочь в восстановительных работах архиепископ Симон мог только молитвами. Считаю, что благодаря именно его молитвам Архангельскую церковь в селе Малинки мы с Божией помощью восстановили, хотя не скрою, порой мне было очень тяжело. Владыка чувствовал это и потому разрешил мне обращаться к нему в любое время, хоть ночью. И были такие случаи, когда я при-

езжал к архиепископу Симону, когда он уже почивал. Но его всегда будили, и он всегда приветливо меня принимал, давал необходимые советы, духовно утешал и укреплял.

Благодаря его молитвам мне достало сил восстанавливать и еще один новопереданный епархии храм. В 1991 г. владыка назначил меня настоятелем Успенской церкви села Екимовка.

А в 1996 г. я стал настоятелем разрушенного Свято-Троицкого монастыря г. Рязани.

Митрополит Симон любил молиться, и его молитвы доходили до Бога. Поэтому в самые трудные минуты, когда казалось, что помощи ждать неоткуда, я всегда чувствовал, что она по молитвам дорогого, уважаемого и любимого мной владыки Симона действительно придет. Так и случалось.

Поэтому я считаю митрополита Симона праведником, архипастырем, который дерзновенно молился о своих пасомых, и его молитвы не были тщетны.

**Протоиерей
Александр Куропаткин,
настоятель Казанской церкви
села Константиново**

В середине – конце 1990-х годов я был заместителем главы администрации Рязанского района, возглавлял комитет по управлению имуществом. Как раз в это время у нас в стране начался активный процесс передачи храмов Русской православной церкви. Правящий тогда в Рязанской епархии архиепископ Симон обратился в областную администрацию с просьбой передать в ведение епархии монастырь Рождества Пресвятой Богородицы в поселке Солотча. Тогда на территории монастыря находился Дом пионеров, состоящий на балансе администрации Рязанского района.

Я был рад помочь владыке, поскольку в душе всегда был православным, верующим человеком.

После того, как было получено письменное заявление с просьбой о передаче монастыря, мы созвонились с архиепископом Симоном по телефону. Помню, как уважительно он разговаривал со мной. Помню деловые встречи с ним. Говорил он немногословно, но всегда по существу. А если шутил, то очень добродушно.

К тому времени епархии передали Рождественскую церковь села Дягилево. И я, совместно с другими православными, стал заниматься ее восстановлением. Представьте себе, будучи заместителем главы районной администрации, я был еще и заместителем цер-

ковного старосты Рождественского храма. Вторая должность мне была больше по душе, и я подумывал о том, чтобы служить при храме постоянно. Да и настоятель храма, первый мой духовный наставник игумен Александр (Чернавцев) настраивал меня на то, чтобы я стал священником. Но я медлил с решением. Через некоторое время второй настоятель, отец Георгий, уговорил меня пойти на прием к владыке с просьбой о рукоположении. Но, зайдя в епархиальную канцелярию, я перед самыми дверьми архиерея остановился и не смог переступить порога. Пришлось отцу Георгию заходить на прием к владыке Симону одному. Как он потом рассказывал, владыка внимательно выслушал его и спросил:

– А где же сам Александр Григорьевич?

– Да вот перед самыми дверьми уперся почему-то и не хочет заходить.

– Что ж, может, он и прав. Сейчас, как заместитель главы администрации, он на своем месте и приносит Церкви очень большую пользу. Так что не будем топиться.

Прошло некоторое время, и желание стать священником во мне окрепло. И тогда я сам попросился на прием к владыке. Помню, сказал ему:

– Ваше Высокопреосвященство, знаю, что Вы не желаете, чтобы я уходил с работы из администрации, но, может быть, можно будет как-то совмещать ее со священнослужением?

– И каким же это образом, Александр Григорьевич? – спросил он.

– Ну, к примеру, как святитель Лука Войно-Ясенецкий. Он был епископом и в то же время работал

хирургом, писал научные труды. Даже Сталинскую премию получил.

– Все это, братец, хорошо, однако это был исключительный случай. И с рукоположением лучше пока подождать.

Я смиренно принял это решение. А вскоре мое желание стать священником разрешилось само собой. Я

Архиерейское благословение

вышел на пенсию и стал помогать восстанавливать Троицкий монастырь. Архимандрит Андрей (Крехов) предложил владыке рукоположить меня, и он согласился. Это произошло в 1998 году.

Помню наш с ним разговор незадолго до рукоположения.

– Ну как, братец, готов ли принять сан?

– Готов, владыка, – говорю я, – вот уже более шести лет прислуживаю в Рождественском храме, пою на клиросе, весь богослужебный Устав знаю.

– Так уж и весь? – удивился он. Ну, тогда скажи, после «Ныне отпускаеши раба Твоего, владыка» что идет?

Я замялся, не зная, что ответить. Ведь я имел в виду только правила, необходимые для пения на клиросе, а не весь Устав псаломщика.

Но архиепископ Симон, заметив мое смущение, перевел разговор на что-то другое. Тогда нехватка священников была такой острой, что владыке приходилось рукополагать и неподготовленных людей.

Такие священники подготавливались сразу на практике и, как правило, в большинстве своем служили хорошо.

Через три с половиной года Великим постом в Троицком монастыре владыка представил меня к награждению одновременно золотым наперсным крестом и протоиерейским саном. Хотя к такой награде представляют только через шесть лет служения. При награждении владыка сказал, что столь быстро я удостоился награды за усердные труды по восстановлению Рождественского храма в Дягилево.

Хочется рассказать и еще об одном случае его особого внимания ко мне. И не затем я вспоминаю этот случай, чтобы подчеркнуть свою значимость. Нет, я человек грешный. Просто это воспоминание характеризует скромность и человечность митрополита Симона.

Так, после восстановления Рождественского храма, когда я уже стал священником, он освящал в нем престол. Я сослужил ему, но с трудом, поскольку меня охватывало необычайное волнение. Не мог я спокойно смотреть на стены этого храма, где, образно говоря, каждый кирпичик, каждая досочка, каждый гвоздик прошли через мои руки. И вот уже и я сам стою здесь в качестве священника и провожу службу. Слезы умиления покатались из моих глаз. Видимо, владыка Симон заметил мое состояние, и после литургии сказал в мой адрес теплые слова особой благодарности. А меня самого тогда переполнило чувство благодарности к владыке Симону. Так проникновенно он умел утешить человека!

А какой он был молитвенник! Не мыслил себя вне церкви. Даже когда, попав в автомобильную аварию,

не мог ни ходить, ни даже лежать, он стремился к молитве в храме. Представьте себе: на носилках приносили его в церковь! Я сам лично видел это на одной из служб в Борисоглебской церкви.

Вообще, во время общения с ним мне казалось, что он больше молится, чем говорит. Он был немногословен, высказывался только по существу. Иногда шутил. Добродушно шутил, с мягкой, ласковой улыбкой.

Но нельзя сказать, что он не был хозяйственником. Просто многие не замечали эту его черту, потому что он устраивал епархиальные дела не напоказ, а как-то тихо и незаметно.

Интересно вспомнить некоторые частности. Будучи экономом Троицкого монастыря, я замечал, что на архиерейские

службы он приезжал на 15-20 минут раньше. Сидел в машине и наблюдал жизнь монастыря. Смотрел кто чем занимается, как выглядит... Обозревал хозяйственные постройки. А однажды, подозвав меня, сказал:

– Отец эконом, у вас там при входе калитка покосилась, надо бы поправить. А в братской трапезной стол неустойчив. Непорядок, братец.

*На богослужении
с палочкой-костылем*

Приезд владыки в Свято-Троицкий монастырь

Замечания он высказывал всегда мягким, ровным голосом. По-отечески вразумлял, если я допускал какие-то ошибки.

Честно говоря, я по-человечески привязался к митрополиту Симону и в последние годы его пребывания на кафедре очень хотел иметь его портрет. Но владыка не согласился и только после настойчивых уговоров благословил рязанского художника Карла Карловича Дилия написать его портрет. Сегодня он находится в моей келье и, глядя на него, я с грустью вспоминаю время нашего общения с владыкой. Могу сказать, что это было благодатное для меня время.

**Протоиерей Петр Кравцов,
настоятель Александро-
Невской церкви г. Рязани**

Я благодарен Господу за то, что сорок лет, а точнее, с 1966-го по 2006 год моим духовным руководителем был митрополит Симон.

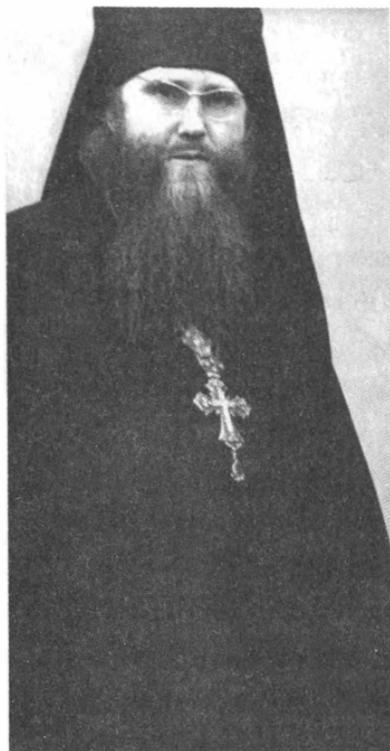
Впервые я встретился с ним в Московской духовной семинарии, где он состоял в должности инспектора. В семинарию я поступил по Божию Промыслу. Мама, которая воспитала меня в православной вере, однажды сказала: «Хорошо бы тебе, сынок, в Духовную семинарию поступить». Тогда у власти находился Н. С. Хрущев, который обещал, что скоро, как он говорил: «Последнего попа по телевизору покажу!»

Тяжелое тогда для Церкви время было. Давление на священнослужителей было такое, что некоторые священники не выдерживали и публично отказывались от сана.

В школе нам внушили, что все церковники тунеядцы, кормятся подачками от прихожан.

Помню, я сказал маме: «Зачем же поступать в семинарию, я не хочу быть бездельником. Может, лучше мне в медицинский поступить?» Но мама ответила: «Труднее священника подвига не найдешь. Зато и награда за него на небесах неоценимая».

Со временем меня призвали в армию. А после армии я сам решил поступить в семинарию.

*Отец инспектор
архимандрит Симон*

Господь управил так, что я поступил в Московскую духовную семинарию. Это было в 1966 г. После сдачи всех экзаменов абитуриентов собрали в одной семинарской комнате, и туда, для оглашения списка поступивших, вошел инспектор, архимандрит Симон. Все очень волновались, ведь из ста тридцати кандидатов должны были принять всего тринадцать, то есть одного из десяти. Но у меня почему-то была полная уверенность в том, что я поступил.

Когда в комнату вошел архимандрит Симон, он произвел на меня необычайное впечатление. Инспектор выглядел

строго, торжественно и благостно одновременно. Своим мягким тихим голосом он зачитал список поступивших, среди которых был и я. «Сожалею, — сказал архимандрит Симон в конце, — но принять всех мы не можем. Поздравляю поступивших, а тех, кто не поступил, прощу: не скорбите, в следующем году вновь будет набор. Приезжайте и, Бог даст, благополучно сдадите экзамены».

Я стал учиться в семинарии под духовным руководством архимандрита Симона. Его должность инспектора соответствовала должности проректора по воспитательной и учебной части. По своему поло-

жению он мог бы и жить соответственно, в солидной обстановке. И я был очень удивлен, побывав однажды в его квартире, которая находилась в здании академии. Обстановка там была крайне простая. В первой комнате находился старенький шифоньер для ряс и подрясников, ничем не покрытый простенький стол и стул, а во второй – обыкновенная семинарская кровать и стул. Вот и вся обстановка. Ни ковров на стенах, ни паласа на полу... Я еще подумал: «Надо же, инспектор, а так просто живет».

Но, помню, в его комнате, на полках, было очень много книг. Он всегда любил читать. И не только духов-

Трапезный храм Троице-Сергиевой Лавры

ную литературу, но и стихи русских поэтов. Например, поэта и переводчика Ивана Козлова, автора стихотворения «Вечерний звон», ставшего народной песней. Помню, однажды я пришел к нему в болезненном состоянии. Жаловался: «Жизнь моя как замкнутый круг – одна болезнь проходит, другая приходит».

«Разомкнется», – ответил он и, чтобы отвлечь меня, стал читать теплое, задушевное стихотворение Козлова.

Владыка Симон много читал творения святых отцов, но вместе с этим любил читать сказки Пушкина, в которых видел народную мудрость и сокровенный смысл.

Позднее, рассказывая о своей юности, митрополит Симон говорил: «Мама иногда выражала недовольство тем, что я много читаю, а отец, наоборот, всегда поощрял».

Любовь к чтению он прививал и учащимся семинарии.

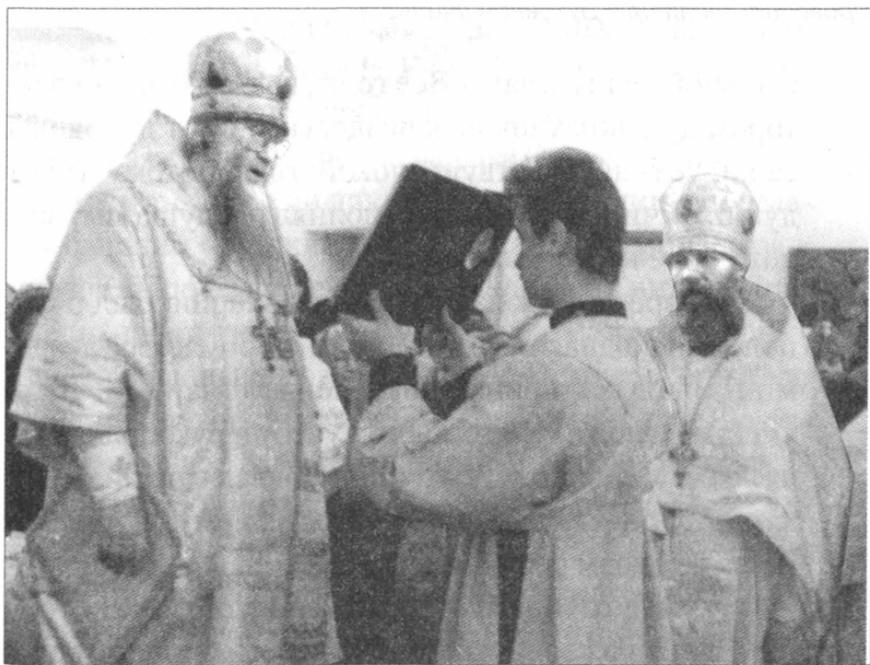
Семинаристы любили его и называли между собой не иначе, как батюшка Симон. А могли называть отец Симон либо архимандрит Симон. В семинарии так больше никого не называли. Даже ректор семинарии епископ Филарет говорил семинаристу, посылая его к инспектору: «Подойди к батюшке Симону, спроси его благословения». Такого всеобщего обращения, как «батюшка» сподоблялись только преподобный Серафим Саровский да праведный Иоанн Кронштадтский.

Архимандрит Симон действительно являлся для нас батюшкой. Обращался со всеми ласково, всегда

духовно поддерживал, а уж если сердился за какие-то проступки, то недолго. Наказывал крайне редко и только сильно провинившихся.

Помню, он вызвал меня к себе и ждал скорого прихода. Но меня долго не могли найти. Когда же я пришел, то инспектор сердился, потому что я пришел не сразу. «Где находился так долго?» – строго спросил он меня. «Соборовался, батюшка, – ответил я. Он сразу успокоился и заговорил со мной ласково. Инспектор не любил праздность, сам был молитвенником и в других воспитывал желание жить с молитвой, с Господом в душе.

Когда архимандрита Симона хиротонисали во епископа Рязанского и Касимовского, он, покидая Московскую духовную семинарию и академию, в про-

Протоиерей Петр (Кравцов) сослужит митрополиту Симону

*Протоиерей Петр (Кравцов)
проводит занятия в Духовном училище*

щальной речи сказал: «Все годы, когда я был инспектором духовных школ, я возделывал этот духовный сад и, уезжая, чувствую спокойствие, потому что от души, от чистого сердца выполнял послушание, возложенное на меня».

В то время я уже закончил семинарию был рукоположен во диакона и учился на втором курсе академии. Владыка, приняв управление Рязанской епархией, предложил мне оставить учебу и рукоположиться во священника. Я долго раздумывал и решил отказаться. Приехал в Рязань, пришел к нему на прием и сказал о своем решении.

«Так вы, отец дьякон, приехали к архиерею, чтобы заявить о своем отказе?» – строго спросил епископ Симон.

Мне стало как-то неудобно перед своим духовным наставником.

«А впрочем, воля Ваша, владыка, – сказал я, – как скажете, так и будет».

«Воля моя, чтобы ты немедленно отчислился из академии и приезжал в Рязань. Буду рукополагать тебя в Космодамианском храме села Летова и для Летова».

Так я попал в Рязанскую епархию. В 1973 г. рукоположился в Космодамианском храме и прослужил в нем до 1979 г. Потом владыка предложил мне служить в Скорбященской церкви и преподавать в Духовном училище, созданном при Борисоглебском соборе. Вскоре училище перевели в Троицкий монастырь. В монастыре частично восстановили Сергиевский храм, обустроили и освятили придел в честь пророка Иоанна Крестителя. В этом приделе учащиеся и проходили послушания на богослужениях.

Через некоторое время владыка Симон вызвал меня и говорит: «Епархии для Духовного училища передают бывший братский корпус Спасского монастыря в кремле. Поедем, посмотрим, в каком он виде». Приехали, посмотрели. Вид был ужасен. Разруха и запустение. А владыка говорит: «Отец Петр, к осени надо помещения восстановить и переводить сюда Духовное училище». А дело было зимой. Что я мог сказать? «Воля Ваша, владыка», – ответил я и принял за это послушание.

В епархии денег на восстановление не было, но Господь не оставил нас. Мы ездили с прошениями в различные строительные организации, и нам нигде

*Конференция в пединституте в дни празднования
800-летия Рязанской епархии*

не отказывали в технике и в материалах. Нашлись и рабочие. Некоторые работали бесплатно, некоторые – за умеренную плату. Деньгами помогал бывший глава областной администрации Г. К. Меркулов и предприниматель Ю. А. Головастиков.

Много потрудились о. Георгий (Трушкин), о. Александр (Гривин), о. Сергей (Шевченко), А. Н. Вагина, К. В. Дмитриева, Л.Ф. Колчанова и многие другие.

Митрополит Симон усердно молился об успешном восстановлении братского корпуса. И вот, с Божией помощью, в него переехало Духовное училище.

Помню, как в него зашла директор музея-заповедника Рязанский кремль Л. И. Максимова. То, что она увидела, – отделанные помещения, светлые классы, поразило ее. «Ну вы и молодцы, – сказала она, – я и

не верила, что в столь короткий срок можно восстановить помещения корпуса».

В 1999 г. владыка Симон назначил меня настоятелем церкви во имя св. блгв. князя Александра Невского в Дашково-Песочне.

Самого храма тогда еще не было. Мы начали строить сначала маленький крестильный храм в честь Всех Святых, который владыка Симон освятил в 1999 г.

А в 2005 г. новый рязанский архиерей архиепископ Павел освятил построенный Александро-Невский храм. Владыка Симон к этому времени пребывал на покое в Николо-Бабаевском монастыре.

Последний раз с митрополитом Симоном я виделся на Скорбященском кладбище, куда он в 2004 г. приезжал, чтобы отслужить панихиду по новопреставленной монахини Клавдии (Феоновой). Мы встретили его колокольным звоном.

После панихиды он достал из своей машины коробки конфет и одарил ими присутствовавших. Мне подарил икону священикомученика Иувеналия.

Я благодарен Богу, что имел счастье близко общаться с таким духоносным архиереем.

Митрополит Симон имел разносторонние дарования. Он обладал замечательным музыкальным слухом, очень любил пение, пел Богу, словно молился.

Кроме того владыка являлся талантливым проповедником. О сложных духовных вопросах он умел говорить просто, доходчиво, но в то же время проникновенно.

Владыка имел литературное дарование. Все сочинения митрополита Симона написаны хорошим литературным языком. Будучи поэтом в душе, он зани-

мался гимнографией. Написал молитву Всем святым, в земле Рязанской просиявшим, службу священномученику Иувеналию (Масловскому), замечательный акафист святителю Феофану Затворнику Вышенскому, писал тропари и кондаки.

Но самое главное – владыка Симон имел дар дерзновенной молитвы. Любил молиться. Его молитва доходила до Бога. И это чувствовали все, кто его знал и присутствовал, когда он совершал богослужение в храме.

**Иеромонах Савва,
келейник
митрополита Симона**

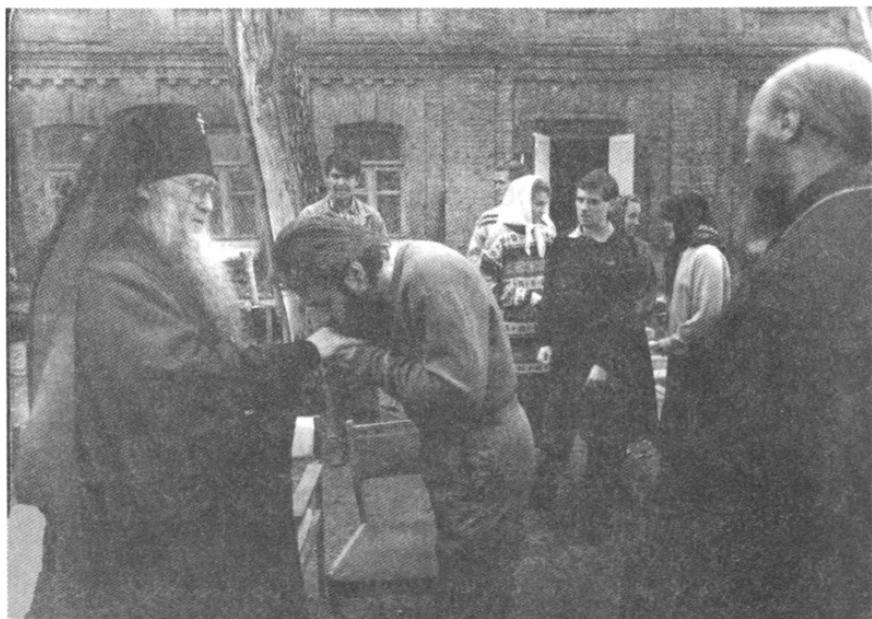
Ходить на богослужения в храмы я начал с одиннадцатилетнего возраста. Меня водила туда бабушка. И вскоре у меня появилось желание стать священником. Потом я твердо решил, что буду поступать в Духовную семинарию. И моя мечта сбылась. В 1997 г., после получения десятиклассного образования, поступил в семинарию. А после ее окончания, в 2001 г., по распределению я попал Рязанскую епархию, где правящим архиереем был митрополит Симон. Когда пришел представляться ему, то, пока ожидал приема, перevolновался так, как не волновался ни на одном экзамене. Когда же вошел к нему в кабинет, то был удивлен. Я ожидал увидеть епархиального начальника, такого администратора-хозяйственника со строгим взглядом, а увидел добродушного благообразного старца. Владыка Симон взял мои документы и внимательно прочитал, проговаривая про себя каждое слово. Прочитав, сказал: «Вот и еще одного семинариста Бог послал».

Владыка определил мне быть преподавателем Литургии в Рязанском духовном училище. И в этом у него проявился дар прозорливости, ведь я тогда подлежал призыву в армию, о чем и сообщил митрополиту Симону. «Твоей армией семинария была, – ответил он, – поэтому теперь ты будешь не в армии, а в церкви служить». Тогда у меня не было никаких при-

чин для того, чтобы меня не призывали в армию. Но прошло время, меня рукоположили в иеромонахи, и вдруг вышел Указ Президента России об отсрочке от службы для священников. Каждый год по запросу из военкомата подтверждалось мое священнослужение и отсрочка продлевалась. А потом и вовсе освободили от воинской обязанности по болезни.

Итак, по благословению владыки я стал преподавателем Духовного училища, а помимо этого – старшим помощником проректора по воспитательной работе. Одновременно иподиаконствовал у митрополита Симона на архиерейских богослужениях.

В 2001 году он предложил мне стать у него келейником. Другим келейником был у него иеромонах Роман (Сизов). У владыки Симона, как референт, я

Один из первых наборов в Рязанское Духовное училище

дежурил по четвергам. В другие дни он направлял меня, как представителя от епархии, на различные мероприятия. Кроме того, я осуществлял связь со средствами массовой информации. А отец Роман был у него в качестве секретаря.

Четверги, в которые я дежурил в епархиальном управлении и имел возможность близко общаться с владыкой, были для меня благодатным временем.

Помню, когда в конце рабочего дня уходил, владыка, прощаясь со мной, шутливо говорил «Ауфвидерзейн», что в переводе с немецкого значит «до свидания».

Прошло некоторое время, и вот в один из четвергов митрополит Симон вдруг спросил меня, когда собираюсь принимать монашество. «Когда благословите», – ответил я. «Завтра», – сказал он со свойственным ему тонким юмором.

«Так я же, владыка, не готов, – говорю, – ни клобука нет, ни рясы...» Он как бы задумался, а потом сказал: «Ну что ж, раз такое дело, тогда давай пострижем тебя через неделю...»

Принятие мной монашества состоялось 27 декабря 2001 г. в Иоанно-Богословском храме Духовного училища. Когда митрополит Симон постригал меня, то на его глазах появились слезы. Потом я видел, что он плакал при каждом пострижении. По-видимому, он вспоминал свое пострижение и переживал момент обретения еще одного чада, решившего всецело посвятить себя Богу. Владыка нарек мне имя Савва в честь преподобного Саввы Освященного.

2 декабря 2002 г. в Покровской церкви села Заокское я был рукоположен в иеродиакона, а 4 декабря, на

праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы во Введенской церкви села Борисово меня рукоположили в иеромонаха. Церквушки, в которых меня рукополагали, были небольшими, и владыка говорил мне: «Вы уж не обижайтесь, отец Савва, что я рукополагаю Вас в таких тесных алтарях».

Тогда же, в 2002 г., я стал проректором Духовного училища по учебной работе. Незабываемы для меня дни, когда владыка приезжал в училище преподавать Литургику. Его выходило встречать все училище. Учащиеся очень любили его занятия. Владыка проводил их с пением, которое бывает на службе. Он сам любил петь и на практике показывал, как на вечерней службе дьяконом поется, например, возглас «Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим...». Когда-то в храме Духовной академии он был регентом

Крестный ход в Духовном училище

хора и вот теперь на уроках в Рязанском духовном училище передавал свои знания ученикам.

А они, мальчишки, были разнохарактерные – непоседливые, юркие, шаловливые. Но на уроках владыки Симона все, без исключения, приходили в умиротворение. И даже в последующие два-три урока вели себя тихо. Я замечал, что даже на переменах было тихо, хотя дети они и есть дети, и на переменах они обычно с шумом играли.

Мирный дух митрополит Симон считал в отношениях между людьми главной добродетелью. Он очень не любил конфликтные ситуации и спорные вопросы всегда старался разрешить мирно. Помню, как однажды на приеме у него был священник, конфликтовавший со старостой своего храма. Чтобы разрешить эту ситуацию, владыка хотел перевести его на другой приход, даже лучший. Однако на приеме священник стал так горячо доказывать свою правоту, что владыка даже и не знал, как сказать ему о своем решении. И тогда он попросил выйти священника в коридор и подождать, а сам вызвал меня и говорит: «Отец Савва, подскажи ему, пусть попросит другой приход».

Я вышел в коридор и, как бы невзначай, «подсказал» разрешение конфликтной ситуации. Священник с радостью согласился и после очень благодарил меня за «подсказку».

Я очень сожалел, когда в 2003 г. владыка ушел на покой. Но, поселившись в Николо-Бабаевском монастыре, он сам пригласил меня к себе. В Рязанской епархии это нашло понимание, и я с миром перевелся в епархию Ярославскую, где меня временно назначили благочинным Спасо-Яковлевского монастыря. По-

том, с разрешения митрополита Симона, Ярославский владыка архиепископ Кирилл поставил меня секретарем. Я часто навещал владыку Симона, но основное послушание у меня было все-таки в епархиальном управлении.

Когда же 23 марта 2006 г. у него случился инсульт, то меня освободили от всех должностей, и я стал келейником владыки Симона. Стал ухаживать за ним.

Меня всегда удивляло его терпение. Он с покорностью переносил выпадавшие на его долю страдания. Мы всеми силами старались продлить ему жизнь. Он был нужен нам, была нужна его молитвенная поддержка. Мы видели, что, даже находясь в состоянии, когда не только двигаться, но даже говорить владыка не мог, он все равно молился. Однажды ко мне приехал один многодетный священник. Он жаловался на тяжелые жилищные и материальные условия. Я посоветовал ему обратиться к владыке, попросить его молитв. Он согласился. И тогда я подошел к митрополиту Симону, все ему рассказал и попросил помолиться за бедствующего священника. Владыка кивнул головой, давая понять, что помолится. Священник уехал, а через некоторое время звонит мне, говорит, что его дела устроились. Нашлись средства, и он купил очень хороший дом, о котором и мечтать не мог.

К владыке Симону даже звонили, испрашивая его молитв. Я прикладывал трубку к его уху, он выслушивал, кивал головой – это означало, что он все понимает.

Вот поэтому мы и боролись за его жизнь. С самого начала болезни владыку каждодневно причащали

Келья владыки Симона в Николо-Бабаевском монастыре

, а на третий день соборовали, и он стал чувствовать себя лучше. Каждый день в больничной палате служили молебен о здравии владыки и окропляли его святой водой, помазывали соборным маслом. В больницу, чтобы повидать тяжелобольного митрополита, постоянно приезжал архиепископ Ярославский Кирилл. Навещали его также архиепископ Владимирский Евлогий, архиепископ Костромской Александр, архиепископ Тираспольский Юстиниан.

Находясь около дорогого мне митрополита Симона, я заметил, что в пять часов вечера, накануне воскресных и праздничных дней, когда в храмах начинали служить всенощную, он совершал крестное знамение, трижды поднимал руку для благословения, которым благословляют диакона, кадящего архиерея. Вра-

чи не могли поверить, что это делал человек, находившийся в критическом состоянии. По их словам, с таким поражением головного мозга больной не может ничего делать и способен прожить не более семи дней. Но владыка Симон, Божией милостью, пошел на поправку. Это было настоящее чудо.

Владыку выписали из больницы, и он вернулся в Николо-Бабаевский монастырь, где до болезни пребывал на покое. Понемногу к нему стала возвращаться речь.

Когда митрополиту Симону прочитали сочувственное письмо, присланное в связи с его тяжелой болезнью от святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II, то он улыбнулся. Это была серьезная духовная поддержка первоиерарха.

Да, через два месяца владыки не стало, но чудесный случай, произошедший с ним в больнице, показал нам, что милость Божия почивала на этом старце, праведнике, с которым мне выпало счастье близко общаться.

**Константин Скурат,
заслуженный профессор
Московской Духовной
академии и семинарии**

Как студента митрополита Симона я почти не помню, так как в эти годы, когда он уже учился в академии, я преподавал еще только в семинарии. Встречался я с ним, в основном, только на экзаменах. Но эти встречи были короткие...

Хорошо помню его как инспектора академии и семинарии. В те годы обязанности инспектора были весьма важные и ответственные – на нем лежали постоянные заботы об учащих, об их нуждах духовных и в некоторой мере о нуждах материальных, бытовых. Характером и служением этой личности во многом определялась духовная атмосфера школы. И хочу сразу отметить: при митрополите Симоне эта атмосфера была истинно христианск-братская, умиротворенная, открытая, жертвенная...

Не было и тени зависти, лицемерия, лжи, заискивания и, тем более, подсиживания.

К отцу инспектору тянулись все, и для всех у него находилось местечко в сердце. Однако это не означало, что он не был строг к провинившимся студентам.

Обычным обращением к пришедшему студенту у него было слово «братец».

«Ты, братец, нарушил правила установленного порядка духовных школ, и я не подпишу сегодня твое прошение о поездке к знакомым, к родным». «Ты, братец, не подал вовремя сочинение, так поди-ка порабо-

тай в библиотеке да заодно познакомься с необходимой литературой».

А большей частью беседовал отец инспектор Симон с «братцем» «на духу» и отпускал с миром, с таким миром, что студенту самому не хотелось более совершать проступки.

Эти беседы проходили настолько мирно, спокойно, что проходившим мимо его кабинета и слышавшим разговор казалось, что там беседуют самые близкие люди. Да, вероятно, так оно и было, настолько близкими между собой являлись студенты и отец инспектор.

Я сказал «проходившим мимо и слышавшим разговор». Я не оговорился. В те годы двери кабинетов ректора академии, инспектора и секретаря были открыты нараспашку. Из коридора было хорошо видно, кто находился на приеме. Никаких очередей на прием не было. Конечно, некую роль играло и то, что учащихся и учащих в то время было в несколько раз меньше. Но роль только некую, поскольку и начальства тогда было во столько же раз меньше...

В 1972 г. архимандрита Симона хиротонисали во епископа Рязанского и Касимовского, и он отбыл на Рязанскую кафедру. Но связь с академией у него не прервалась, хотя она, естественно, уже не могла иметь повседневного доброго влияния.

Мне он до последнего времени дважды в году – к Рождеству Христову и к Святой Пасхе присылал праздничные письма. Их особенность была в том, что они не были простым тиражированием на принтере, несли теплоту, свет, задушевность. А однажды, когда моей жене предстояла тяжелейшая операция, я об-

ратился к владыке Симону с просьбой усердно помолиться за нее. Ответ последовал незамедлительно. Владыка утешал: «По вере Вашей будет Вам!»

Это было в 1988 г. И вот она, по милости Божией и по святым молитвам митрополита Симона, жива до сих пор.

1 сентября 2006 г., когда учащие и учащиеся московских духовных школ, перед новым учебным годом совершали молебен у раки с мощами преподобного Сергия, пришла скорбная весть о кончине добрейшего святителя Русской православной церкви.

Эта весть в радостный день начала занятий напомнила всем нам, что радость и печаль совсем близки – сияло солнышко, и вдруг набежала тучка, но тучка

Заседание Ученого Совета московских Духовных школ

проходит, и снова посылает нам небо свет и тепло. Последнее мы хорошо почувствовали, когда после официальной части собрались в Божий храм на панихиду о новопреставленном. Здесь печаль ушла, а на ее место пришла теплая взаимная молитва – чем усерднее мы молились о почившем митрополите Симоне, тем сильнее ощущали его предстательство перед Богом на небесах.

Мы сознавали, что почивший ушел от нас только телом, а духом любви своей пребывает с нами.

**Игумен Владимир
(Кучерявый),
насельник
Николо-Бабаевского монастыря**

История моей жизни сложилась так, что я знаю владыку Симона с 1965г., со времени моего поступления в Московскую духовную академию. Состав этого учебного заведения был многонациональным. В академии учились украинцы, молдаване, македонцы, были даже учащиеся из Ливана.

Меня тогда вместе еще с тремя учащимися поселили в келью, в которой в свое время, будучи студентом, жил знаменитый религиозный философ отец Павел Флоренский.

Помню, какое положительное впечатление произвел на нас молодой, энергичный, аскетичного вида и поведения инспектор архимандрит Симон.

Причем когда я его впервые увидел, то показалось, что знал его всю жизнь. Отец инспектор был прост в общении, часто приглашал студентов в свою келью. Там он однажды прочел мне свое стихотворение «На Покров Божией Матери». О его непосредственности в общении со студентами говорит следующий случай. Архимандриту Симону предстояло быть посаженным отцом выходявшей замуж своей племянницы Лидии. Он тогда по-простому пригласил меня в келью и расспросил, как подготовиться к этому, какие действия ему придется выполнять.

Вспоминается его неизменное и уважительное обращение к студентам со словом «братец» («братец Николай», «братец Петр»). Так и остался в нашей памяти «Братец» инспектор.

В качестве инспектора он проверял журнал дежурного преподавателя, который наблюдал за самоподготовкой и записывал в этот журнал поведение учащихся. Отец инспектор Симон каждый день проверял этот журнал, и я могу сказать, что при нем никто особо побаловать не смел, поскольку все знали, что поведение учащихся он держит под особым контролем.

Помнится, мы, студенты, научились определять его настроение: когда поглаживает свою окладистую бороду сверху вниз – он в хорошем настроении, а когда снизу вверх, то значит, его кто-то расстроил, чего нам меньше всего хотелось.

На втором курсе академии, в 1968 г., меня рукополагали во священника. Помнится, как отец Симон водил меня вокруг престола во время иерейской хиротонии. До сих пор храню как драгоценную память о нем подаренный им крест с украшением.

Помню, как отец инспектор Симон регентовал и очень хорошо пел в академическом хоре. Он имел замечательный музыкальный слух. Именно в академии он разучил Параклисис Божией Матери и создал традицию его исполнения сначала в Рязанской епархии, а потом и в Николо-Бабаевском монастыре.

Божью Матерь он глубоко почитал. До сих пор читаем опубликованные его проповеди: «Воспеваю Благодать твою, Владычице». Это он установил в Николо-Бабаевском монастыре, будучи больным и находясь на покое, во время Успенского двухнедельного

поста читать ежедневный Параклисис Божией Матери (с чтением канона и акафиста Ее Успению).

Церковное пение он очень любил. Как сейчас вижу вышедшим его из алтаря после службы и внимающим нашему с инокиней Леонидой пению «Утоли болезни...» или великого прокимна «Кто Бог велий».

На Пасхальной службе митрополит Симон ввел практику чтения Евангелия на разных языках, в знак того, что оно проповедуется всему миру. В Николо-Бабаевском монастыре попеременно мы читали его так: дьякон на церковно-славянском, священник на русском, владыка Симон на греческом, а я на английском языке.

В монастырь я приехал по приглашению митрополита Симона. Тогда я очень переживал смерть сво-

Дружеская беседа игумена Владимира с владыкой Симоном в Николо-Бабаевском монастыре

ей супруги. У меня даже инсульт случился. И тогда старец архимандрит Кирилл благословил меня ехать к митрополиту Симону. «Он тебя успокоит», – сказал мне отец Кирилл.

И, действительно, владыка Симон настолько очень умиротворяюще подействовал на мою душу. Это был человек, который от Бога имел дар утешения.

Вспоминаю, как он устраивал для меня пикники на реке Волге. Очень он любил бывать на природе.

В марте 2004 г. он постриг меня в монашество. В лице митрополита Симона я тогда обрел духовного отца и ныне всегда молюсь о его упокоении в селении праведных.

**Анна Федоровна
Бочарникова,
келейница
митрополита Симона**

Владыку Симона я знала с самого начала его служения на Рязанской кафедре. Я к тому времени прислуживала в Христорождественском храме Михайлова, и когда он туда приезжал, отец настоятель Алексей Устюшин приглашал меня готовить трапезу, поскольку я имела большой опыт работы поваром. Владыка был постник, и блюда ему я готовила отдельно. Любил кушать крошку. По-видимому, ему нравилось, как я готовила, поэтому он пригласил меня трудиться при епархиальном управлении.

Он был по-русски хлебосольным человеком. Кормил всех, кто приезжал к нему издалека. Часто заранее приказывал приготовить трапезу. Во время трапезы старался создать непринужденную обстановку. Шутил, улыбался. Любил слушать духовные песнопения. Например «Ночь тиха над Палестиной...». Когда он был в Николо-Бабаевском монастыре, эту песню специально для него разучил генерал МВД И.Ф. Петров. Он очень почитал владыку и, чтобы сделать ему приятный сюрприз, исполнил эту песню на одной из трапез. Как же радовался митрополит Симон, услышав любимое песнопение из уст генерала!

В Николо-Бабаевский монастырь я поехала за владыкой не раздумывая, хотя он предупредил: «Матушка, будет трудно».

За долгие годы у нас сложились отношения, которые можно назвать родственными. Он и сам это чувствовал. Поэтому и называл меня по-семейному – «матушка», хотя я и не монахиня. А я звала его «владыченька». Как же я могла не поехать за ставшим мне родным человеком?

Перед отъездом спросила, что с собой брать будем. Он сказал, что, прежде всего, книги и облачения.

В монастыре мы поселились не сразу. Более месяца прожили в его родном доме в Кишаново.

В монастыре, как и предупреждал владыка Симон, условия проживания оказались трудными. Владыке дали самое лучшее место – келью игумена Бориса, настоятеля монастыря. Келья была сырая. Хотели просушить – затопили печку, а она дымила. Воды не было, приходилось ходить за ней на колонку. Но митрополит Симон со смирением переносил трудности и молился о ниспослании монастырю помощи.

И Николо-Бабаевская обитель стала оживать. Когда приехали туда, на службах даже прихожан никого не было. А с приездом митрополита Симона появились не только прихожане, но и паломники со всей России стали приезжать. И опять мне приходилось готовить большие трапезы, встречать гостей хлебом-солью.

Вскоре владыке построили домик, провели в монастырь отопление, природный газ. Жизнь наладилась. Началось восстановление Николо-Бабаевской обители.

Большое участие в этом принял предприниматель из Рязани Юрий Андреевич Головастиков. Он очень почитал митрополита Симона. С кротостью и даже робостью подходил под его благословение. В разго-

ворах говорил о владыке скупо, но даже внешне было видно, насколько сильно он его любит. Всегда спрашивал меня, что необходимо купить для кухни, и сам лично ездил в магазин за покупками.

На средства Головастикова и под его руководством строился домик для владыки. Когда я не была еще с ним знакома и увидела его на строительстве, то подумала, что он прораб...

Владыка, в свою очередь, особенно тепло относился к Юрию Андреевичу. Встречал его, выезжая за монастырь, и ждал столько, сколько приходилось, невзирая на неотложные дела.

Однажды он приехал с отцом Петром Кравцовым. Как же радовался митрополит Симон их приезду! Улыбался, шутил. Отец Петр так же, как и Юрий Андреевич, очень почитал своего духовного наставника.

По весне я разбила на территории монастыря небольшие грядки, посадила для владыченки картошку, огурчики, зелень. Огурцы он очень любил. Когда они выросли и я по-

Протоиерей Петр Кравцов и Ю. А. Головастиков в гостях у владыки Симона

Митрополит Симон, Анна Федоровна и инокия Леонида

шла их рвать, он выглянул в окно и пошутил: «Ты, матушка, без меня там не ешь...»

Вскоре помогать мне прислуживать владыке Симону стала его постриженница, инокия Леонида.

Вместе с игуменом Владимиром она пела в Николо-Бабаевском монастыре на клиросе. Очень хорошо, красиво они пели. Владыка любил их пение. С приходом матушки Леониды появилась возможность отлучаться домой, в Михайлов.

Когда отпрашивалась, владыченька грустнел, но отпускал. Я понимала, что со мной он чувствует себя более спокойней, и потому старалась долго дома не задерживаться.

Келью мне отвели прямо в домике митрополита Симона. По ночам я просыпалась от каждого шороха, чувствовала, что он не спит, спрашивала, не надо ли чего. Порой мерила ему давление или давала необходимые лекарства.

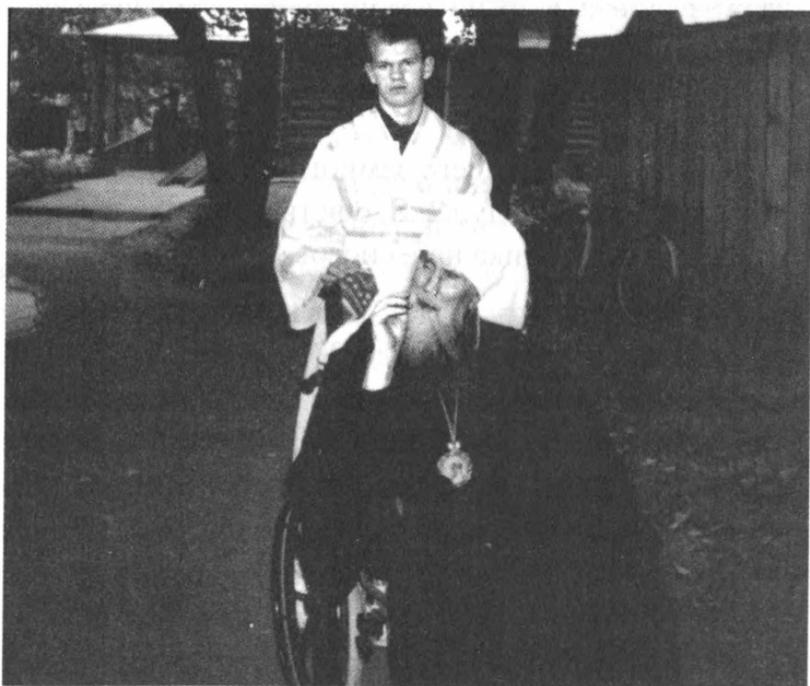
В последнее время он чувствовал себя плохо. Перед отъездом в санаторий сказал, чтобы я прочитала стихотворение, написанное им. Оно было про Пасху. Шла только вторая неделя Великого поста, и я спро-

сила, почему он хочет послушать именно про Пасху. А он: «Читай, читай, матушка, о Пасхе».

В санатории с ним случился инсульт. Его перевели в больницу. Когда я к нему приехала, первым делом испросила благословения. Разговаривать он не мог, но поднял руку и благословил. И я почувствовала Божию благодать, охватившую все мое существо .

Когда его привезли в монастырь, то стали заново учить разговаривать, писать. Я помогала больному, чем могла. Ухаживал за ним и мой внук Дмитрий, к которому владыка всегда относился с теплом. Дмитрий возил владыченку на колясочке на прогулки.

Старался понять его каждое движение. Кроме того он нес послушание алтарника в храме.

Дмитрий на прогулке с владыкой Симоном

Однажды мне необходимо было отъехать домой. Я попросила свою знакомую прислуживать митрополиту Симону и уехала. Вскоре, будучи в Михайлове, получила известие о смерти дорогого владыченьки. Очень расстроилась и стала думать, как бы скорее попасть в Николо-Бабаевский монастырь. И Господь все устроил.

В монастырь я отправилась вместе с Ю. А. Головастиковым. Он сам был за рулем. А ведь дорога не близкая – более пятисот верст. Я видела, как тяжело было на сердце Юрия Андреевича, но он держался мужественно и вел автомобиль спокойно. Доехали мы быстро и благополучно. Мне вспомнилось, как особенно усердно молился о путешествующих владыка Симон. И, конечно же, он молился обо всех своих чадах. Всегда вставал в два-три часа ночи и долго читал поминания о здравии. Список был большой-пребольшой.

И вот не стало нашего земного молитвенника. Но не было тяжести на душе. Я чувствовала, что мы приобрели молитвенника небесного...

**Татьяна Панфилова,
заместитель председателя
правительства Рязанской
области**

Митрополит Симон был духовным отцом тысяч рязанцев на протяжении тридцати одного года. За это время он помог духовными советами сотням людей. Дверь его кельи в епархиальном управлении, в милом зеленом деревянном домике на улице Фрунзе, была открыта всегда и для всех, кто нуждался в его духовной поддержке. И, наверное, каждый, кто с ним общался, считал, что владыка обращался с ним лучше, чем с другими, что для него он был самым внимательным, самым близким человеком.

Вот почему, когда он ушел на покой и уехал в Николо-Бабаевский монастырь, многие рязанцы пожелали продолжить с ним духовное общение. Я тоже желала встретиться с ним, и мне посчастливилось вместе с другими быть одной из первых рязанцев, посетивших его в Николо-Бабаевском монастыре. Это было 27 июня 2003 г. Предварительно созвонившись с владыкой, мы приехали в село Некрасовское Ярославской области, где расположен монастырь. Мне навсегда запомнился этот чудесный день. Мы даже представить себе не могли, какими желанными гостями были для владыки!

Он лично вышел встречать нас вместе с настоятелем, игуменом Борисом, и братией монастыря, состоявшей из четырех монахов. В честь нашего приезда зазвонили в колокола. Это было так трогательно!

Сестра митрополита Симона монахиня Нонна, Т. Н. Панфилова и матушка Лидия Глазунова в Николо-Бабаевском монастыре, в келье владыки Симона

Помню, как митрополит Симон провел нас по монастырю, рассказал про его более чем 600-летнюю историю и про то, как он восстанавливается. Когда-то это была большая, состоящая из множества построек обитель. Мы же увидели одни развалины да кресты на местах разрушенных храмов. К тому времени территория монастыря была огорожена, частично восстановлены храм Иоанна Златоуста и покои святого Игнатия Брянчанинова, чьи труды хотел изучить и описать митрополит Симон.

Когда же он пригласил нас в трапезную, я заметила, что ее полуразрушенные ступеньки накрыты

ковровой дорожкой, на которой лежали полевые цветы. Такой знак внимания был к нам со стороны владыки.

Перед входом он сказал в наш адрес теплые слова и особо подчеркнул, что мы являемся первыми рязанцами, посетившими его на покое. Вид его был прост и притягателен, и я смотрела на него и думала, насколько велик дух веры в этом пожилом человеке, если он – почетный гражданин города Рязани, имея сан митрополита, живет без элементарных удобств, в тяжелых условиях.

Этот человек не жаловался на судьбу, наоборот, – был полон оптимизма, говорил, что теперь дело восстановления монастыря пойдет успешнее, что он наконец-то сможет спокойно поработать над трудами наставника монахов святителя Игнатия Брянчанинова,

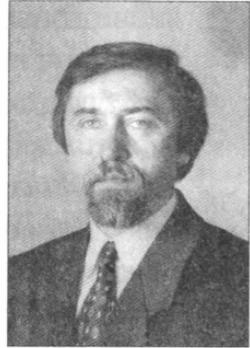
Н. В. Маслов, Т. Н. Панфилова и архиепископ Ярославский и Ростовский Кирилл в Николо-Бабаевском монастыре

будет принимать духовных чад и всех, нуждающихся в его совете, будет помогать людям своими молитвами и благословением. И тогда я особенно почувствовала, насколько величественен и мудр этот старец!

Мы тогда сказали владыке, что будем помогать восстанавливать монастырь, помогать обустраивать его келью. А он, давая нам благословение на обратную дорогу, сказал поразившие меня слова: «Вы счастливые. Вы отдаете – это самое великое счастье. Я всю жизнь это делал. А сейчас – принимаю».

Я тогда еще раз убедилась, что митрополит Симон – великий человек, гордость земли Рязанской. Память о нем будет всегда жить в наших сердцах.

**Николай Булычев,
заместитель председателя
муниципального образования,
г. Рязань**

В течение двух созывов Рязанского городского Совета мне довелось быть куратором комитета по присвоению звания «Почетный гражданин города Рязани». Сейчас это комитет по муниципальным наградам. Функция комитета – рассмотрение предложений по присвоению почетного звания и вынесение кандидатур на заседание городского Совета, который и принимает окончательное решение.

Согласно положению право внесения кандидатур на комитет предоставлено общественным организациям, трудовым коллективам, группам граждан.

Звание «Почетный гражданин города Рязани» присваивается людям, имеющим особые заслуги и внесшим вклад в развитие города, повышение благосостояния его жителей, рост авторитета города, как в России, так и за ее пределами.

В 2001 году на рассмотрение комитета поступило свыше десятка кандидатур, среди которых были очень известные и достойные люди.

Предварительно обсуждая с коллегами по горсовету поступившие обращения, мы внесли еще одну кандидатуру. Отметая существовавшие стереотипы, мы скорее сердцем приняли такое решение. В обсуждении участвовали два врача и педагог, безусловно, для каждого из нас определяющими стали не материальные, а духовные заслуги. В результате общих размыш-

лений и было названо имя одного из самых выдающихся наших современников – митрополита Симона.

Обращение в комитет было следующего содержания: «Группа депутатов Рязанского городского Совета ходатайствует о присвоении звания «Почетный гражданин города Рязани» управляющему Рязанской епархией митрополиту Рязанскому и Касимовскому Симону (в миру Сергею Михайловичу Новикову). Присвоение митрополиту Симону такого высокого звания будет являться оценкой его большого вклада в возрождение духовности и нравственности на Рязанской земле».

Обращение было подписано депутатами Николаем Савельевичем Барсуком, Галиной Павловной Волжаниной и вашим покорным слугой.

Традиционно канцелярская форма письма не дала нам возможности указать все заслуги владыки. Но они и так были всем известны. Готовя данное письмо, мы, конечно, знали и помнили, что было сделано старейшиной епархии за 30-летний период служения на Рязанской земле.

С именем владыки Симона связано восстановление и открытие десятков храмов и монастырей. События, связанные с празднованием важнейших дат из истории нашего края, страны и христианства: 900-летие Рязани и 800-летие Рязанской епархии, 50-летие Великой Победы, 1000-летие крещения Руси, 2000-летие Рождества Христова. И во всех мероприятиях, как светских, так и церковных, владыка принимал самое деятельное участие.

В октябре 2000 года по настоянию митрополита Симона было торжественно подписано Соглашение между администрацией Рязанской области, областной

Думой, администрацией города Рязани, городским Советом и Рязанской епархией об объединении усилий по духовно-нравственному возрождению общества, укреплению российской государственности и правопорядка на территории г. Рязани и Рязанской области. Мы также отмечали исключительную скромность, порядочность и человечность владыки Симона.

Ежегодно по традиции городской Совет присваивает почетное звание двум или трем кандидатам. И перед комитетом всегда стоит сложная задача – выбрать из большого списка претендентов наиболее достойных. 2001 год стал исключением. Впервые на заседании комитета никаких споров не возникло. Практически без обсуждения все члены комитета проголосовали за то, чтобы выдвинуть на соискание почетного звания только одну кандидатуру – митрополита Симона. Другие кандидаты просто бы померкли на фоне глубоко уважаемой и авторитетной личности.

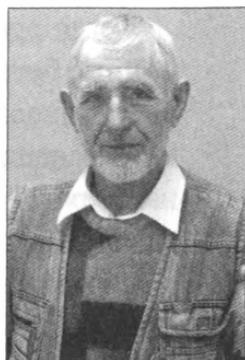
Наградная лента митрополита Симона и документы на звание почетного гражданина г. Рязани и почетного гражданина Рязанской области

23 августа городской Совет по рекомендации комитета единогласно проголосовал за присвоение митрополиту Рязанскому и Касимовскому Симону звания «Почетный гражданин города Рязани».

Традиционно чествование новых почетных граждан происходит во время празднования Дня города. В 2001 году праздник состоялся 16 сентября. Это был теплый солнечный осенний день. Толпы граждан устремились на украшенную Соборную площадь. Из динамиков лилась бравурная музыка. Для многих жителей Рязани праздником на площади начинался этот день. Но для нового почетного гражданина этот день начался гораздо раньше. Митрополит Симон с утра отслужил праздничный молебен у часовни, посвященной 900-летию города, а затем была служба в Христорождественском соборе.

Несмотря на утреннюю загруженность, владыка появился на Соборной площади вовремя, и его чествование стало главным событием Дня города. В торжественной обстановке митрополиту Симону председателем горсовета и главой администрации были вручены регалии почетного гражданина города: диплом, удостоверение и атласная алая лента. После торжественных речей и поздравлений в ответном слове владыка подчеркнул, что данная награда является в первую очередь показателем заслуг всей Рязанской епархии. И в этих словах он остался верен своей скромности и великодушию. Таким он и остался в нашей памяти.

**Николай Молотков,
секретарь Рязанского
регионального отделения
Союза писателей России**

Мне пришлось столкнуться с епархиальными проблемами еще до знакомства с митрополитом Симоном. Тогда я работал полномочным представителем Президента РФ по Рязанской области.

В 1992 г. я побывал в Иоанно-Богословском монастыре. Наместником этой обители являлся тогда архимандрит Авель. Он тепло встретил меня. Мы поговорили. Отец Авель рассказал о том, что в монастыре раньше находилась чудотворная икона святого апостола Иоанна Богослова. Древняя икона, намоленная многими поколениями верующих. Я сказал, что приложу все усилия, чтобы вернуть икону монастырю.

Приехав в Рязань, позвонил в музей-заповедник Рязанский кремль. Выяснилось, что икона апостола Иоанна Богослова находится в Москве, в институте реставрации Грабаря. Съездил в Москву, провел переговоры, но в институте не хотели возвращать икону. Подключил, как принято сегодня говорить, «административный ресурс». В конце концов икону возвратили в Рязань и передали музею. Я стал хлопотать о передаче ее монастырю. И тогда директор музея Л. Д. Максимова показала какой-то документ, в котором говорилось, что эта икона до революции принадлежала не монастырю, а древлехранилищу, на базе которого впоследствии создали Рязанский краеведческий музей.

Тогда решили хранить икону в музее, а на праздничные богослужения передавать в Иоанно-Богословский монастырь. И лишь много позднее один рязанский краевед сообщил, что икона изначально была монастырской. Но когда все выяснилось, я уже не мог изменить сложившуюся ситуацию.

А с митрополитом Симоном моя первая встреча состоялась в 1992 г. Предварительно позвонив, он сам пришел ко мне на прием поговорить об открытии храмов в Рязанской епархии. Его появление в моей приемной произвело на всех большое впечатление. В черном одеянии, в архиерейском клобуке с крестом и панагией на груди он выглядел очень внушительно и торжественно. Для того времени было необычно видеть служителя Церкви в коридорах городской власти. Все как-то затихли, увидев владыку Симона.

Я пригласил его в кабинет. Он поздоровался, благословил меня. Голос у него был тихий, мягкий, успокаивающий. От владыки веяло добротой и благородством. Говорил он негромко, но все было слышно, понятно.

Владыка Симон рассказал о том, что верующие Рязанской епархии обращаются с просьбами об открытии храмов, и попросил помочь в этом богоугодном деле. Храмы в своем большинстве разрушены, но восстанавливать их надо. Но прежде необходимо передать их верующим.

Мы обсудили эту проблему, подумали, как лучше поступить. Прежде всего, решили выйти с этим вопросом на главу администрации Рязанской области Л.П.Башмакова. Не откладывая дело в долгий ящик, я тут же позвонил ему. Объяснил суть, сказал, что воп-

рос об открытии церкви необходимо решать положительно. Башмаков согласился с этим и сказал, чтобы епархия присылала запросы в администрацию, а они примут специальное решение о передаче церквей.

Прощаясь, владыка подарил мне образ моего небесного покровителя Николая Чудотворца и Библию.

Когда администрация приняла решение, передача церквей происходила без чиновничьих препон. И только когда владыка Симон попросил передать епархии Успенский собор в совместное пользование с музеем-заповедником Рязанский кремль, возникли проблемы. Директор музея Л. Д. Максимова, под предлогом нарушения в соборе температурно-влажностного режима, была категорически против проведения богослужений в соборе.

*Владыка Симон, Н. В. Молотков и депутат
Государственной Думы К. Э. Лайкам*

Я позвонил Н. И. Булаеву, который работал тогда заместителем главы областной администрации по культуре. Для решения вопроса мы решили обратиться к экспертам из Рязани и из Москвы. Когда они обследовали Успенский собор, была создана специальная комиссия для принятия решения. В нее включили меня и владыку Симона. Помню, он попросил, чтобы на заседании комиссии в Рязанском кремле я сел рядом с ним, чтобы подчеркнуть мое положительное отношение к передаче собора епархии.

На этом заседании эксперты заявили, что собор можно использовать для богослужений два раза в год. После взял слово я и сказал: «Ну что ж, так и решим – пусть собор используется епархией четыре раза в год». «Как это так? – возмутилась директор музея, – ведь эксперты сказали, что два раза». «Но ведь их же две группы, – ответил я, – московская и рязанская. И каждая разрешила использовать собор два раза. Два на два – четыре».

Члены комиссии заулыбались, но в конце концов решили использовать Успенский собор для богослужений четыре раза.

Этот случай для того времени явился большим шагом вперед во взаимодействии церковной и светской власти.

Владыка Симон запомнился человеком широкой души – добрым, смиренным, возвышенным. Даже по его внешнему виду можно было определить – в душе этого человека живет Бог. А поскольку Бог есть любовь, то в душе митрополита Симона жила любовь, которую он щедро изливал на людей.

**Алексей Хлуденев,
член Союза писателей России,
автор романа
«Олег Рязанский»**

С митрополитом Симоном я познакомился в 1999 г., когда работал над книгой об Олеге Рязанском. А до этого я уже знал литературные труды владыки «Олег Иванович, великий князь Рязанский» и «Жизнь преподобного Сергия». Они помогли мне лучше понять образы князя Олега Рязанского и Сергия Радонежского, над которыми я тогда работал.

Тема, которую я поднял в своем романе, являлась для меня очень интересной, тем более, что я историк по образованию. Образ князя Олега сложен, противоречив, но именно этим он и привлек меня. С 1989 г. я начал сбор материалов по тому историческому периоду и стал писать первые главы книги.

Погружаясь в летописи, в чтение книг и статей по истории XIV в., в котором действует главный герой моего романа, я понял, что в моем романе достойное место должен занять образ Сергия Радонежского, который в 1385 г. приезжал в Рязань, чтобы примирить князя Олега с князем Дмитрием Донским.

Стал собирать материалы о нем и делать наброски в рукописи. Но сам преподобный Сергей не подпускал меня к себе. Думалось: «Ну кто я такой, чтобы писать об этом великом святом?» И тогда мне посоветовали съездить в Иоанно-Богословский монастырь, поговорить с архимандритом Авелем, испро-

Молебен перед мощами князя Олега Рязанского

силь у него благословения на труды. В то время в монастыре находилась глава князя Олега.

Я благодарю судьбу за то, что мне тогда посчастливилось встретиться с отцом Авелем, который тепло, задушевно поговорил со мной и благословил на труды.

Я приложился к главе князя Олега и почувствовал благодать, исходящую от нее.

Вернувшись в Рязань, я продолжил работу над книгой, отдельные части которой публиковались в местной прессе.

Написав главы о преподобном Сергии, я стал думать, кому из священнослужителей можно отдать их на прочтение. Решил обратиться к владыке Симону, поскольку он сам писал о великом князе Олеге Ивановиче. Нашел телефон епархиального управления, позвонил. Мне ответили, что он на службе. На сле-

дующий день позвонил снова, сказали, что владыка Симон в Иоанно-Богословском монастыре. Через некоторое время вновь позвонил. И вновь он находился в монастыре. Тогда я подумал: «Наверное, не дано, чтобы моя рукопись попала на редактирование владыке Симону». Три раза звонил и не дозвонился...

Стал думать о том, к кому еще могу обратиться.

Но прошло некоторое время, и в моей квартире раздался звонок. Подошел к телефону, слышу незнакомый голос, который показался мне необычным, с очень дружелюбной интонацией.

– Алексей Петрович, это Вы?

– Да, я.

– Вас беспокоит архиепископ Рязанский и Касимовский Симон. Я хотел бы с Вами встретиться.

– Я и сам хотел встретиться, несколько раз звонил, но не дозвонился. Скажите, когда можно приехать?

– Если можно, сегодня, в четыре часа в епархиальное управление на улице Фрунзе. Машину за Вами прислать?

– Спасибо, я привык своим ходом, на троллейбусе.

– Ну что ж, тогда до свидания.

Такой вот разговор состоялся у меня с рязанским архиереем. Этот разговор глубоко взволновал меня. Прежде всего, тем, с каким уважением говорил со мной владыка Симон. И, конечно же, возможностью передать ему свою рукопись. О причине встречи я по телефону спрашивать не стал, просто рад был возможности побеседовать с владыкой.

Взял рукопись и поехал в епархиальное управление. Позвонил. Вышел послушник архиерея.

– Вы к кому?

– К владыке Симону, по договоренности.

– Проходите, он Вас ждет.

Захожу. Владыка уважительно встречает меня в коридоре у входа в свой кабинет.

– Здравствуйте, Алексей Петрович.

– Благословите, владыка.

Архиепископ Симон благословил меня.

Мы прошли в его кабинет, сели за стол. По его распоряжению принесли фрукты, сладости, печенье, чай, коньяк и малюсенькие рюмочки. Послушник налил в рюмочки коньяку. Владыка из рюмочки чуть-чуть капнул себе в бокал с чаем и предложил выпить за встречу.

Я, глядя на него, тоже добавил коньяку в чай. За таким чаем со сладостями и происходила наша беседа.

– Алексей Петрович, на кого из историков вы опираетесь в своей работе над Олегом Рязанским?

Как я догадался позже, о моей работе над романом он знал из местной прессы.

– На известных историков: Дмитрия Иловайского, Аполлона Кузьмина и Льва Гумилева. Я разделяю их точку зрения, что великий князь Олег – положительная личность. Он сыграл огромную роль в укреплении Рязанского княжества, а по примирению с Дмитрием Донским – и в укреплении Московского государства.

– Очень хорошо. А то вот недавно был у нас представитель из министерства культуры. Я спросил его мнение по поводу возможной канонизации Олега Рязанского. Он категорически против этого, считая, что князь предал Дмитрия Донского во время Куликовской битвы и вообще являлся противником Московской государственности. Причем такую точку зрения

разделяют сегодня многие. Поэтому, чтобы создать неискаженный образ князя Олега, нам надо действовать сообща. Церковь с одной стороны, историки – с другой, писатели – с третьей. Думается, что вместе мы сумеем доказать, что роль великого князя Олега в истории была положительной.

Я с архиепископом Симоном был полностью согласен. Потом заговорил с ним о деталях в своем романе. Просил посоветовать, как мог встретить Сергия Радонежского князь Олег. При въезде в Рязань или же в своем дворце? Владыка мне все объяснял. Долго мы говорили. Более часа. Когда же пришло время прощаться, я попросил прочитать несколько глав из романа и отредактировать их. Он согласился.

Великий князь Олег Рязанский. Картина конца XX в., подаренная архимандриту Авелю и переданная Николо-Ямскому храму г. Рязани.

Из общения с ним я понял, что владыка – глубокий богослов, ученый, историк. Эпоху, которую я описывал, он хорошо знал.

Быстро прошло время беседы. Владыка тепло попрощался со мной.

После беседы с ним у меня посветлело на душе. Я обрадовался тому, что он одобрил мое направление в романе, взял на редактирование мою рукопись. Уходя, подумал: «Хорошо, если бы он за месяц-два прочитал ее».

Но, к моему приятному удивлению, уже через пять дней владыка Симон позвонил и предложил встретиться, причем вновь спросил: «Может, машину за Вами прислать?» Я, конечно, поблагодарил, но отказался.

Мы встретились в тот же день в его кабинете, который находился в здании Духовного училища в кремле.

В тот вечер я задавал ему заранее продуманные вопросы, касающиеся моего романа об Олеге Рязанском. Опять спрашивал о деталях. Например, как в то время одевался митрополит, как мог вести себя в общении с окружающими. Помню, он меня тоже спросил:

– Алексей Петрович, а как звали героя вашего романа Митяя, священника из Коломны, которого Дмитрий Донской перевел в Москву и хотел возвести в митрополиты?

– Его звали отец Михаил, Ваше Высокопреосвященство. Это я случайно обнаружил в исторических источниках.

Потом владыка стал спрашивать меня, не прихожусь ли я родственником Екатерине Михайловне Хлуденевой, которую в Сапожковском районе почитают как подвижницу веры и благочестия середины XX в.

*Хлуденев А. П. и Евсина И. И. на презентации книги
«Олег Рязанский»*

– Да, владыка, я ее родственник, прихожусь ей внучатым племянником.

– А про нее говорят, что она была дочь Царя Николая II Ольга?

– Это не так. Моя мама и сестра хорошо знали ее. Я и сам встречался с ней. И ни у кого не возникало мысли, что Екатерина Михайловна не наша родственница. Мой прадед и ее отец были родными братьями.

Надо сказать, что некоторые тогда считали Екатерину Михайловну дочерью царя на основании некоей фотографии, где она запечатлена вместе с членами царской семьи. Кроме того, существуют сведения, что она ехала вместе с царской семьей в ссылку, в Тобольск. Но на одном из полустанков ее по непонятным причинам высадили. Отсюда родилась версия, что она готовилась как двойник царевны

Ольги и должна была пожертвовать жизнью ради ее спасения. Но подтверждений этому нет.

И вновь, как и в первый раз, незаметно протекло время нашей беседы. Мы попрощались. С теплыми, хорошими чувствами я ушел домой.

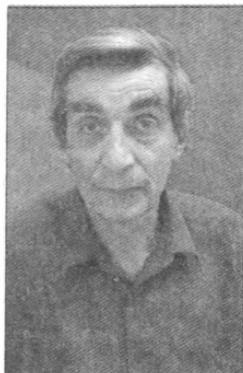
Потом мы еще несколько раз встречались.

Помню, однажды он оставил меня на вечернюю трапезу. Это уже было не угощение. И я впервые узнал, как питается наш рязанский архиерей. Его трапеза состояла из винегрета, картофельного пюре, рыбной котлеты и компота. Это же он предложил и мне. Мы поужинали. Тогда я подумал о скромности митрополита Симона, о его аскетическом отношении к земным благам.

Он запомнился мне как человек духовно тонкий, высокоинтеллектуальный и благожелательный. В нем чувствовалось внутреннее благородство.

Вспоминая свои встречи с ним, я могу сказать, что это были одни из самых светлых минут в моей жизни.

Александр Бабий,
искусствовед, ст. научный сотрудник
картинной галереи
«Виктор Иванов и земля Рязанская»

Не могу точно вспомнить, когда я впервые встретился с митрополитом Симоном. Однако мое самое сильное впечатление о нем, а вернее, о событиях, связанных с ним, относятся к 1988 г. Помню, что на его встрече с моим учителем, известным историком Г.К. Вагнером, я подошел к владыке. Спросил, могу ли я подарить моему внуку трехтомную толковую Библию. На это он ответил неопределенно.

Прошло некоторое время, и вот на пасхальной неделе я зашел поздравить нашего архиерея со светлым Христовым воскресением. Подарил ему расписанное мной яичко. Он улыбнулся и сказал: «Вы мне золотое яичко дарите, а я вам – простое». Подарил красное пасхальное яичко, пластинку с записью всеобщей композиции Рахманинова и календарь на 1988 г. Эта встреча была очень приятной. С веселым настроением я пошел домой. Встал на остановке и стал дожидаться своего троллейбуса. Дул очень сильный ветер. И вдруг мы, стоявшие на остановке, услышали курлыканье журавлей. Из-за сильного порыва ветра они замерли прямо над нашими головами метрах в 15, и мы слышали их пение, их гимн! И это в центре большого индустриального города! Не знаю, для кого как, а для меня это казалось знамением.

А через некоторое время, накануне дня рождения внука, мне снится во сне, словно один знакомый мне

священник, мой бывший ученик, отец Сергей, принес мне золото и положил в руку. А наутро он вдруг приходит ко мне наяву и, улыбаясь, говорит: «Александр Николаевич, посмотрите, что я вам принес», – и дает мне Библию, на черном переплете которой был вытиснен большой золотой крест. И мой внучок-несмышлениш, которому исполнился только год, взял эту Библию и поцеловал этот золотой крест! До сих пор я это считаю чудом, косвенно связанным с митрополитом Симоном. Я хочу, чтобы все поняли, что о чуде невозможно рассказывать, его нужно почувствовать.

Другой случай произошел в 1992 году. Мне нужно было ехать в Ленинград на первый семинар по русской школе. Я пришел к владыке Симону и стал разговаривать с ним о том, какие проблемы нужно поставить перед педагогами. А он сказал: «Я бы Вам очень советовал встретиться с владыкой Иоанном (тогда митрополитом Ленинградским и Ладожским)». Я думаю: «Зачем? Для чего?» И тут он вдруг говорит: «У нас же страшное засилье сектантов. Напирают сектанты». На это я, полушутя, сказал: «Владыка, но Вы же генерал от религии в Рязанской области. Вам стоит только ударить кулаком по столу – и все сектанты рассыплются».

И только сейчас я понимаю, насколько глубоко владыка Симон был обеспокоен этой проблемой. Он-то знал, как бороться с сектантами, но его окружение – мы, рязанцы, русские православные люди, – на все это смотрели с такой легкостью! Не было у нас усердия к тому, чтобы запрещать их проникновение.

Когда я приехал в Ленинград, я все думал, как мне попасть к владыке Иоанну, кто меня к нему пустит. У меня было только благословение, не подтвержден-

ное никакими документами. И в первый же день присутствия на семинаре нам раздали программу, в которой читаю: трехчасовая лекция самого митрополита Иоанна.

Это была великолепная, образная лекция, во время которой я увидел, что владыка Иоанн обладал удивительным артистическим даром. В зале присутствовали свыше 250 директоров, завучей школ, и он увидел, что его не слушают, потому что те истины, которые он проповедовал, для многих в то время были чужды. И вдруг он неожиданно говорит: «Кстати, от винопития ведь спасаются, это можно вылечить. И от табакокурения спасаются люди. Даже от блуда спасаются. А вот от укуса маленькой зеленой змейки нет спасения». Все начали напряженно думать, что же это за зеленая змейка, а он, увидев наши глупые физиономии, в шуточной форме, но очень строго сказал: «От укуса зеленой змейки – доллара – нет спасения. И как только вы на своей ладони почувствовали тяжесть этого доллара, вы должны немедленно заставить себя жить по-другому. В противном слу-

Митрополит Иоанн (Снычев)
и архиепископ Симон
в Троице-Сергиевой лавре

чае вас надо положить поперек лавки и...» – и в этот момент владыка Иоанн три раза присвистнул, показав руками, как пороть розгой. И снова строгая речь. Тут для многих стало понятно, что мы были еще не готовы к тому, чтобы открывать русские школы по всей стране. К этому нужно было внутренне духовно подготовиться, чтобы не изменять русской культуре.

Когда лекция закончилась, несколько женщин подошли к нему под благословение, а я стоял сбоку. И вдруг владыка Иоанн поворачивается ко мне и говорит: «Слушаю». Я пересказал ему свою печаль о засилье сектантов и просьбу владыки Симона, а он перекрестил меня и громко, дважды, произнес: «Благословляю на борьбу».

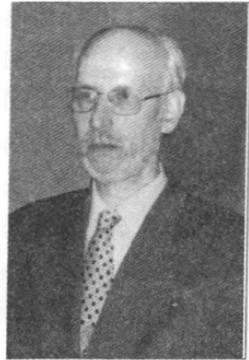
Когда вернулся в Рязань, я узнал, что меня должны были немедленно отозвать с семинара, потому что тогдашний начальник управления образования был возмущен тем, что меня туда послали.

Вот что значит архиерейское благословение...

Вернувшись в Рязань, я всеми силами старался не допускать сектантов в рязанские школы, а владыка Симон меня в этом поддерживал. Однако когда меня хотели включить в приходскую десятку одной из церквей, то он был против. Теперь-то я понимаю почему. Тогда я, светский страстный человек мог, не только не привести людей в церковь, а может, даже и отвратить. А вот в школе он мои начинания поддерживал. Митрополит Симон знал, что всякий человек полезен только на своем месте.

До сих пор помню, как мой близкий друг, православный ученый, доктор искусствоведения Г. К. Вагнер говорил о митрополите Симоне: «Глубочайшее почтение к этому подвижнику веры».

**Владимир Бочков,
автор и ведущий
православной программы
«Зерна»**

Владыка Симон вошел в мою жизнь еще до того, как я принял святое крещение. В начале 90-х годов 20-го века я начал серьезно задумываться над тем, что не все так просто в нашей жизни. Что оценивать ее надо не привычными для атеистического общества критериями. В то время я уже работал на телевидении и вместе с коллегами готовил субботний информационно-развлекательный канал. Эта программа, в общем-то, была далека от духовно-просветительского направления, да и не было тогда на телевидении речи об этом. И, тем не менее, мне показалось интересным уделять внимание, хотя небольшое, вопросам религии. Естественно, за помощью надо было обращаться в управление Рязанской епархии. Так я первый раз позвонил владыке Симону. Я не имел ни малейшего представления о том, как надо разговаривать с архиепископом. Обращался к нему по имени-отчеству – Сергей Михайлович. Ведь до этого я никогда не общался с людьми из церкви. Это был мир, как я думал, закрытый и неизвестный. Когда позвонил рязанскому архиерею, то неожиданно услышал на другом конце телефонной линии приветливый голос и нашел полное понимание.

По нашей программной задумке нужна была беседа со священником о предстоящем церковном празднике. Владыка посоветовал встретиться с отцом Ана-

толием Лазаревым, настоятелем Вознесенского храма. Так в субботнем канале впервые прозвучало церковное слово. Потом были встречи с отцом Андреем Правдолюбовым, другими священниками. И всякий раз Сергей Михайлович, так я еще достаточно долго обращался к владыке Симону, отвечал на мои вопросы своим мягким, проникновенным голосом, давал советы, помогал организовывать беседы. Тогда я не имел ни малейшего представления о том, что уже через два-три года тема православия будет для меня важнейшей в работе на телевидении. А встречи и беседы с владыкой Симоном будут и поучительными, и радостными.

В 1993 году впервые в эфир вышла православная духовно-просветительская программа «Зерна». Поначалу она носила больше светский, чем религиозный характер. Но постепенно, не без существенной помощи владыки Симона, она стала той самой программой «Зерна», к которой привыкли за 13 лет еженедельного выхода ее в эфир многие зрители.

Помню, что через три года работы над «Зернами» мы решили, что хорошо бы программную заставку предварять благословением архиепископа. Я созвонился с владыкой Симоном. Он назначил встречу. Я объяснил ему свою задумку. Тогда он сказал: «А ведь вы не сможете давать мне материалы на предварительный просмотр». Я ответил, что не сможем, потому что все готовится в очень короткие сроки. Владыка буквально на несколько секунд задумался и сказал: «Ну и с Богом». Он дал возможность говорить во весь голос о самой сложной, важной и очень ответственной теме человека, который делал в церкви первые шаги. Это доверие

В. Д. Бочков берет интервью у архиепископа Симона

заставило меня многократно проверять каждое слово, которое я должен был говорить телезрителям.

Я звонил владыке всякий раз, когда нужно было получить его совет. Спрашивал благословение, например на то, чтобы поехать в некий храм и снять там материал для очерка. Вариантов ответа было два. Владыка внимательно выслушивал меня и говорил: «Хорошо бы». Это означало, что можно ехать на съемки и готовить материал, который был задуман. В другом случае он говорил: «Надо бы подождать». Это означало, что работать по этой теме не стоит и надо придумывать что-то другое.

Меня иногда спрашивали о том, нет ли жесткой цензуры со стороны церкви в отношении моей работы. Я никогда не ощущал ни малейшего давления, никакого вмешательства в работу. Только лишь мягкие,

добрые советы, подробные консультации и рекомендации. И никакой последующей проверки и редакции. Ответственность была колоссальная и заставляла меня постоянно все более и более углубляться в вопросы религии.

Но не только работа связывала нас с владыкой Симоном. Когда в нашей семье возникла очень серьезная проблема, мы с женой отправились за советом к архиерею. Просидели не меньше часа. А в заключение беседы владыка подарил нам Иерусалимскую икону Матери Божией. Остались и другие памятные подарки: книги с его автографами. Но самое главное- осталось ощущение постоянного присутствия владыки Симона в нашей судьбе.

Кто-то из мудрецов сказал: «Человек, которого ты помнишь несколько дней, не стоит твоей памяти. Человек, которого ты помнишь несколько лет, мог сделать для тебя и хорошее, и плохое. Человек, которого ты вспомнишь в конце жизни, был для тебя как отец».

**Ирина Евсина,
редактор православной
газеты «Благовест»**

Мы стали встречаться с владыкой Симоном с тех пор, как в декабре 1992 г. вышел первый номер газеты «Благовест». Газета тогда выходила по благословению архимандрита Авеля, но правящий архиерей внимательно следил за публикациями в газете.

Архиепископ Симон сам был редактором журнала «Рязанский церковный вестник» и понимал, какие трудности и какая ответственность стоят за каждым словом, статьей, каждым выпуском издания. Думаю, что, понимал больше меня, так легко, с жаром взявшейся за это нелегкое дело на духовной ниве. Только молитвами и с помощью таких старцев, какими были владыка Симон, архимандрит Авель, смогли мы наладить регулярный ежемесячный выпуск газеты «Благовест».

Если владыка не болел или не был в отъезде, после звонка к нему с просьбой о встрече он назначал ее не позже, чем через день-два. Сколько бы в коридоре в скромном домике на улице Фрунзе не было в очереди священников, мирян, он старался принимать всех в назначенное время. Ценил чужое время. Свое тоже. От владыки не хотелось уходить: он был сам кладезь знаний о рязанских святых, святынях, истории рязанского края. Он рассказывал обо всем этом с глубокой любовью, трепетом, даже нежностью, глубоко сопереживая святителю Василию Рязанскому, оклеветанному и изгнанному муромчанами, святителю Миса-

Редколлегия газеты поздравляет отца Авеля с днем Ангела

илу, пронзенному стрелой язычников из мордвы, князю Олегу Рязанскому, роль которого в Куликовской битве до сих пор не оценена справедливо... Во времена, когда деятельность РПЦ была строго ограничена, владыка изучал историю рязанского края в областном государственном архиве.

Владыка Симон никогда не указывал и, тем более, не приказывал печатать те или другие статьи. Официальные материалы РПЦ, указы по епархии публиковались в «Церковном вестнике», и «Благовест» он рассматривал как пространство, трибуну, раскрывающую новоначальным мирянам красоту православной веры, глубину подвига стояния в вере святых и подвижников благочестия. Иногда приходилось разговаривать с владыкой на темы, по которым только вырабатывалась общецерковная точка зрения. Он никогда не тре-

бывал публиковать мнения той или другой стороны и, высказывая свою точку зрения, в уважительном тоне говорил о тех, кто имеет другое мнение. Но его очень беспокоила активизация сект на Рязанской земле. О сектах мы стали писать с первых номеров газеты. Владыка внимательно отслеживал публикации, расспрашивал подробности, оставшиеся «за бортом» статьи, а если его что-то особенно заинтересовывало, он приглашал к себе авторов публикаций. Так было с Татьяной Ивановной Зверевой после ее публикации о мунитах, активно действующих в Рязани. Познакомившись с ней, владыка Симон предложил ей работать в епархиальном отделе религиозного образования и катехизации, включив в его состав и меня – редактора православной газеты. Одним из первых масштабных дел отдела была организация конференции по духовно-нравственному воспитанию молодежи в Рязанском педагогическом институте (ныне университете) в декабре 1994 года. Ее результатом стало важное соглашение между Рязанской епархией, областными и городскими властными структурами в деле духовно-нравственного воспитания молодежи.

*Конференция в РГУ.
И. И. Евсина и представитель
Московской патриархии
отец Киприан (Яценко)*

Слева направо: Т. И. Зверева, В. Д. Бочков, Е. В. Рябова, В. А. Калашников, И. И. Евсина на пятилетнем юбилее газеты «Благовест»

Для подготовки конференции необходимо было съездить в Московскую патриархию. Владыка благословил на эту поездку меня, Т. И. Звереву и матушку Ольгу Синюк и дал нам епархиальную «Волгу». Но день поездки мы все оттягивали – на дорогах был сильный гололед, а ехать нужно было обязательно на машине, так как необходимо было привезти к конференции духовную литературу. Когда тянуть с поездкой уже было некуда, владыка благословил нас в дорогу, сказав, чтобы мы не волновались и что все будет хорошо. Ехали мы осторожно, но все-таки где-то около Коломны нашу машину крутануло так, что мы выехали на встречную полосу и повернулись на сто восемьдесят градусов, зависнув над кюветом...

Молитвами архиепископа Симона все остались живы и здоровы, в Москве все успели сделать, со

всеми встретиться и благополучно вернулись домой.

Интерес к этой конференции был огромный: в актовом зале литфака люди стояли в проходах – так велика была духовная жажда, потребность в духовном слове. Да и действительно было что и кого послушать: выступали архиепископ Рязанский и Касимовский Симон, архимандрит Авель, протоиерей Владимир Правдолюбов, профессор Духовной академии А.И. Осипов, известный сектовед Александр Дворкин. После этой конференции благодаря Соглашению в Рязанском институте развития образования открылись постоянные курсы для педагогов по духовно-нравственному воспитанию, открылась православная гимназия во имя святителя Василия Рязанского, православная смена

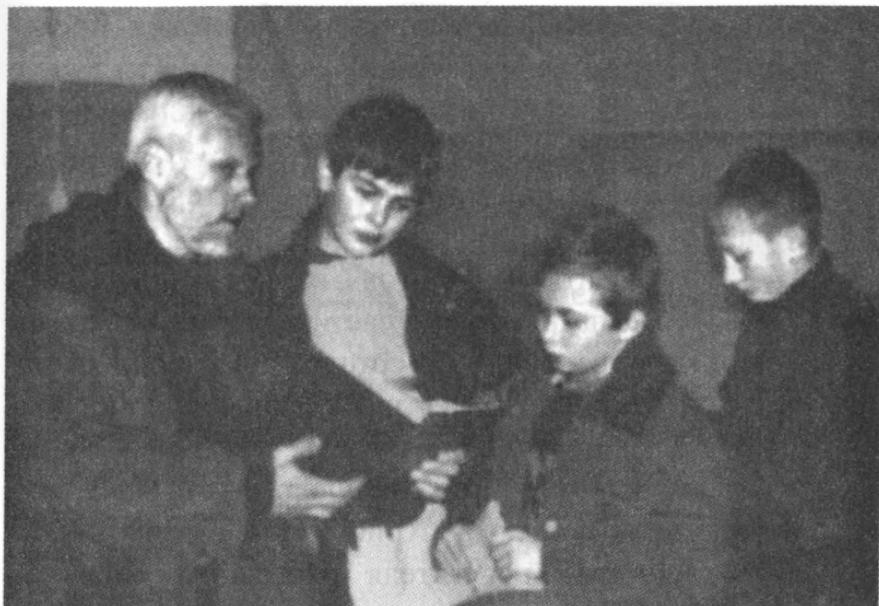
*Редколлегия и помощники газеты «Благовест»
на семейном праздновании Рождества Христова*

в детском оздоровительном лагере «Озерный», лаборатория православной педагогики имени священника Афанасия Арбекова при кафедре педагогики РГПУ...

Буквально в воздухе «висела» идея создания в Рязани Духовного православного центра. В храмах стали собирать подписи под обращением о возвращении Рязанской епархии Николо-Ямского храма, где шли реставрационные работы после пребывания в нем пивзавода. Владыка благословил нас с Т. И. Зверевой собирать двадцатку для регистрации церковной общины храма. Но священника для него оказалось найти невозможно: все отказывались, так как объем реставрационных работ предстоял просто невероятный. Тогда митрополит Симон предложил сделать Николо-Ямской храм подворьем Иоанно-Бо-

Молодежный центр при Николо-Ямском храме

В. Н. Тихонов проводит беседу с ребятами из первого набора «Витязей»

гословского монастыря. Он же благословил разместить здесь и нашу редакцию, а позже здесь располагались и другие православные общественные организации. Одна из них – «Витязи» – стала особенно популярна среди молодежи. Организовал ее офицер в отставке, энтузиаст В. Н. Тихонов.

Мне несколько раз удалось побывать у митрополита Симона в Николо-Бабаевском монастыре, но уже в то время, когда рязанцы выстроили ему небольшой домик. Принимал он нас всех – и знакомых, и просто паломников из Рязани как дорогих гостей.

Ежемесячно мы из редакции отсылали митрополиту Симону газету «Благовест» и посылали записочки от себя. Он живо откликался на публикации, писал каждому ответы. За несколько месяцев до смерти письма

были набраны на компьютере под диктовку. Последнее, после операции на глазах, когда он стал лучше видеть, владыка написал от руки своим размашистым почерком.

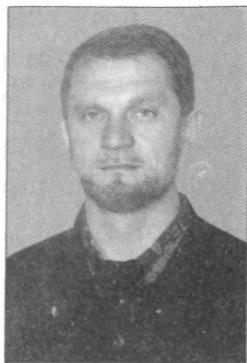
Казалось, что он еще поживет в утешение нам, грешным...

Первого сентября 2006 года, когда я ехала в православную гимназию во имя святителя Василия Рязанского, мне позвонили по сотовому и сообщили печальную весть о его смерти. Всю линейку пришлось прятаться за чьи-то спины, слезы текли сами собой. Учителя, родители старались держаться. После линейки и крестного хода к Христорожественскому собору, где у мощей святителя Василия был отслужен молебен на начало учебного года, отец Дмитрий Питерский – в то время директор гимназии – отслужил панихиду по владыке Симону.

На похороны владыки Симона в Николо-Бабаевский монастырь съехались любящие его чада со всей России...

Когда мы в автобусе ехали с похорон, один батюшка сказал тихонечко: «Будто со свадьбы едем, а не с похорон». На душе не было тяжести, а лишь светлая печаль.

**Игорь Минин,
директор православного
издательства “Зерна”**

В 1999 г. по благословению своего духовного наставника мы со своими единомышленниками решили создать православное издательство. Назвали его «Зерна». Прежде всего, решили издавать книги о рязанских святых и подвижниках веры и благочестия.

За благословением я обратился к владыке Симону. Помню, как радушно он принял меня. Говорил о том, что нести слово Божие людям – это апостольское служение.

По благословению владыки Симона мы издали жития святителя Василия Рязанского, благоверного князя-страстотерпца Романа Рязанского, святителя Феофана Затворника Вышенского, блаженной Любви Рязанской и других рязанских святых.

Владыка Симон обращал мое внимание на то, что эти издания необходимы, они помогают узнать истинную историю. Читая жития святых, люди научаются их духовному подвигу, видят перед собой пример веры и благочестия.

На подготовленных к изданию рукописях владыка сам делал исправления и замечания.

Когда мы издавали жития святителя Николая и преподобного Сергия Радонежского в стихах для детей, то владыка тоже правил их. Он имел поэтический дар, и его исправления всегда улучшали стихотворные тексты.

Когда задумывалась серия брошюр для детей под названием «Зернышки», то владыка сразу же одобрил эту идею.

«Зернышки» решено было издавать по типу дореволюционных копеечных изданий (то есть изданий, которые стоили одну или несколько копеек). Тогда существовали целые общества, занимающиеся изданием и распространением копеечных книжек. Таким образом осуществлялось массовое духовно-нравственное просвещение народа, который не имел средств для покупки дорогих книг.

Владыка Симон предсказал, что «Зернышки» будут пользоваться очень большим спросом. Так и стало. Они сразу стали популярны и распространялись по всей России тиражами в десятки тысяч экземпляров. И в настоящее время мы продолжаем переиздавать «Зернышки» – самые недорогие духовные книжки для детей.

По благословию владыки Симона издавались и серьезные, солидные книги, например двухтомная «Симфония по трудам святителя Феофана Затворника Вышенского».

Через некоторое время работы издательства у нас возникли проблемы с бухгалтером. На эту должность нам нужен был благочестивый православный человек. Я посоветовался с владыкой Симоном. «Помолись святителю Василию Рязанскому», – сказал он мне. В Христорождественском соборе, где покоятся мощи этого святителя, тогда находился Государственный архив Рязанской области. Но с внешней стороны у левой стены было обозначено их место. Я помолился у этой стены.

Было это накануне праздника перенесения мощей святителя Василия. В тот же день я встретил знакомую, которая порекомендовала мне добросовестную и благочестивую женщину на должность бухгалтера. Она до сих пор усердно работает в нашем издательстве.

О значении святителя Василия в своей жизни митрополит Симон рассказывал мне следующий случай. «Когда я решил поступать в духовную семинарию, – вспоминал владыка, – то мама сказала, чтобы я съездил к одному блаженному в Нижний Новгород и взял у него благословение.

Поехал, нашел его и рассказал о своем намерении. Блаженный благословил на поступление в семинарию и подарил иконку с изображением неизвестного мне святого.

Я не решился спросить, что это за святой. И лишь по приезде домой мы узнали, что это икона святителя Василия Рязанского. Так проявился Божий Промысл в моей жизни».

Когда митрополит Симон уехал на покой в Николо-Бабаевский монастырь, я приезжал к нему туда за мудрым советом и благословением.

Так при его участии мы издали книги незаслуженно забытой детской

Книги
издательства
«Зерна»

православной писательницы Клавдии Лукашевич.

Когда я не мог приехать к владыке за советом, то звонил ему, и он всегда отвечал на мои вопросы. Его молитвенная поддержка деятельности издательства «Зерна» была неоценимой. После благословения митрополита Симона я всегда чувствовал себя уверенно, спокойно.

Узнав о кончине владыки, поехал на погребение. Помню, что печали не было, наоборот, – Пасха была на душе. Было чувство, что владыка Симон не покинул нас, что духом он остался с нами.

**Татьяна Зверева,
кандидат богословия,
научный сотрудник РИРО**

Мое знакомство с владыкой Симоном произошло благодаря газете «Благовест». Это было начало девяностых, время «ветра перемен», принесшего к нам множество сект.

Среди них своей активностью в области образования отличалась корейская секта Муна, пользовавшаяся особым покровительством М.С. Горбачева. Секта рвалась в школы под видом учебного курса «Мой мир и я».

Не обошла эта беда и нашу Рязанскую землю. Газета «Благовест» первой в Рязанской области подняла на своих страницах эту проблему. Благодаря статье «Бомба Муна» – она действительно произвела эффект разорвавшейся бомбы – продвижение мунитов в школы было остановлено.

Владыка Симон заинтересовался этой статьей и попросил редактора газеты «Благовест» Ирину Ивановну Евсину познакомить его с автором. Так произошла наша первая встреча с владыкой Симоном. Не перестаю удивляться его умению разглядеть в человеке какой-либо талант и направить его на служение Богу. Яркий пример этому – образованный в девяностые годы епархиальный отдел религиозного образования, который состоял из 2 человек, начальника и заместителя, а задачи, которые приходилось решать, были значительные.

Архимандрит Авель и священник Сергей Чушкин беседуют с участниками конференции

Сейчас трудно себе представить, как такими малыми силами была организована и проведена первая образовательная конференция в 1994 году, в которой приняли участие около 1000 педагогов города и области, присутствовали главы областной и городской администраций, руководители образования, ученые и богословы из Москвы, рязанское духовенство.

Возглавлял конференцию владыка Симон. По его молитвам плодом конференции стало Соглашение об объединении усилий в вопросах духовно-нравственного воспитания Рязанской епархии и руководства города и области.

Это дало мощный толчок просветительской деятельности в епархии.

В 1995 году была открыта православная гимназия во имя святителя Василия Рязанского. Сейчас в гимназии обучаются более 200 детей, она сделала 7 выпусков и считается одной из лучших школ города.

В 1995 году начал работать епархиальный православный лагерь, в котором ныне ежегодно отдыхают более 100 детей из православной гимназии и воскресных школ города и области. В организации этого лагеря активное участие приняли иеромонах Виталий (Уткин) и С. О. Никулина.

С этого же времени началась работа с учителями школ города и области по знакомству их с основами православия.

Открытие детского православного лагеря «Озерный»

По благословию владыки Симона было открыто отделение теологии. Владыка очень много внимания уделял вопросам православного образования. Всегда находил время выслушать и дать мудрый совет. Он и сам принимал активное участие в просветительской деятельности, выступал с докладами на конференциях по проблемам образования не только в Рязани, но и в Москве на Международных образовательных Рождественских чтениях.

Царство Небесное, вечный покой, владыка Симон! Помолись за нас, грешных, у Престола Божия.

Т. И. Зверева (в центре) с группой паломников из Рязани в Николо-Бабаевском монастыре

**Софья Никулина,
педагог,
автор-исполнитель
православных песен**

С владыкой Симоном впервые я встрети­лась на конференции в 1996 г. Подо­шла к нему, попросила благословения. Он благословил. Помню, я почувствова­ла необычайное тепло. На душе стало спокойно, хо­рошо.

Когда в Рязани создали православную гимназию, я стала там работать заместителем директора по вос­питательной части. А директором был протоиерей Николай Сорокин.

В то время написала цикл песен, который можно назвать гимназическим. Мы с детьми разучили их и пели на концертах, а также при торжественных встречах рязанского архиерея в гимназии.

Пели их владыке Симону и в епархиальном уп­равлении, когда приходили поздравлять с праздни­ками. Помню, что он слушал их с улыбкой, чуть скло­нив набок голову. «Хорошо», – говорил он нам после исполнения. Его речь была мягкой, с характерным для северных говоров оканьем.

Всех нас он одаривал подарками: детей – шоко­ладками или конфетами, взрослых – иконками.

Когда я решила издать сборник своих песен, при­шла посоветоваться к владыке Симону об иллюстра­циях к нему. Он внимательно посмотрел рисунки к сборнику и сказал, что изображение Матери Божией в книгу лучше не включать. Сделал замечания по ком-

Гимназический хор под управлением С. О. Никулиной исполняет песню для владыки Симона

позиции некоторых рисунков. Из разговора я поняла, что он имеет очень хороший художественный вкус.

Позже, работая над стихотворными книгами «Игумен земли русской» и «Добрый батюшка Саровский», я узнала о его поэтическом даровании. Владыка Симон так хорошо исправил мои стихи, как может исправить только одаренный человек.

Помню его совет: «Делай Божье дело тихо, неспешно, и тогда все получится». Любил повторять слова преподобного Амвросия Оптинского о том, что надо «...жить не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать и всем мое почтение».

При управлении Рязанской епархией владыкой Симоном мне запомнилось создание православной

смены при детском оздоровительном лагере «Озерный» в Спасском районе. Духовным руководителем детей был тогда иеромонах Виталий Уткин. Молодой, энергичный, он влюбился в историю рязанского края и стал организовывать крестные ходы по древним рязанским селениям, расположенным в Спасском районе. Так мы провели ходы в селах Казарь, Вышгород, Федотьево, Сумбулово. Это было очень удивительно для их жителей. Ведь тогда русский народ после долгих лет безбожия только-только начал воцерковляться. А здесь дети, в красивой гимназической форме, открыто шествовали по селам с крестами и хоругвями и славил пением Бога, Божию Матерь и Его святых угодников.

Православная смена лагеря «Озерный» после панихиды на древнем кладбище села Сумбулово

Думается, что тогда многим стало стыдно за то, что в их селах храмы находились в разрушенном состоянии. Эти крестные ходы и пламенные проповеди отца Виталия дали толчок к их восстановлению. Ныне все храмы в этих селах восстановлены.

Помнится мне и проведенная по благословию владыки Симона регата, то есть плавание на маломерных судах. Это было паломничество по реке Оке из Рязани в Муром и из Мурома в Рязань. Посвящалось оно 2000-летию Рождества Христова и 55-летию Великой Победы русского народа в Великой Отечественной войне.

Из Мурома в Рязань регата приплыла в день памяти святителя Василия. «Отныне, – сказал тогда владыка Симон, – святителя Василия можно считать покровителем маломерных судов».

Когда митрополит Симон ушел на покой, я ездила к нему с просьбой помолиться о заболевшей дочери. Болезнь была крайне опасна. Врачи настаивали на операции. А владыка Симон благословил съездить в Сапожок на могилку Екатерины Михайловны Хлуденовой, взять с этой могилки снежок и потереть болящей дочке лицо. По его молитвам и молитвам отца Петра Кравцова дочка выздоровела.

А когда владыка сам заболел, то уже мы в Рязани усердно молились за него.

С уходом митрополита Симона в небесные обители я особенно остро ощутила уход целой эпохи в истории Русской православной церкви и, конечно же, в истории Рязанской епархии, которую он возглавлял более тридцати лет.

**Валентина Беляева, профессор,
заведующая кафедрой
педагогике РГУ**

Владыка Симон для меня – это светоч мысли, светоч духовной жизни. Это человек, который своим трудом создал такую обстановку духовности в нашем регионе, какой нет, может быть, ни в одном другом городе, ни в одной области. Побывав во многих местах, встречаясь с различными людьми в Москве, Петербурге, сотрудничая с ассоциацией «Покров», включающей 38 вузов со всей России, такую атмосферу духовности я редко встречала. Многие, приезжая к нам на конференции, говорят: «У вас даже студенты другие». В этом, считаю, заслуга нашего любимого архипастыря. Сначала я знала владыку только по его службам, но когда мы в 1995 году открыли Центр православной педагогики в Рязанском (тогда педагогическом) университете, я сразу почувствовала помощь со стороны епархии, которой руководил владыка. Много труда положил владыка в организации первой научной конференции в 1996 году, называвшейся «Подготовка учителя к духовно-нравственному воспитанию учащихся». Мы вместе составляли программу конференции, определяли состав участников, и участников оказалось гораздо больше, чем мы предполагали: приехали представители более двадцати городов. Владыка Симон выступал с удивительным докладом... Вся воспитательная работа – в православной гимназии, православном детском лагере – шла тогда под его духовным руководством.

Конференция в РГУ, посвященная митрополиту Никодиму (Ротову). Слева направо: архиепископ Симон, В.Н. Беляева, А. П. Лиферов, митрополит Ювеналий, игумен Иосиф (Македонов)

И вот благодаря усилиям владыки нам, нашему Центру удалось открыть в 2001 году отделение теологии в Рязанском государственном университете им. С.А. Есенина. При встречах митрополита Симона с людьми всегда видна была его любовь к человеку, его уважение, поэтому он очень умело, потечески, духовно и вместе с тем – уважительно, смиренно общался с руководством вуза при решении вопросов православного образования. Не секрет, что не совсем однозначно относились к открытию отделения теологии некоторые священники, до последнего момента оставались сомнения и споры, но владыка всех сумел убедить в необходимости та-

кого отделения. Благодаря этому весной у нас уже состоялся первый выпуск. Владыка был духовным отцом, наставником во всей нашей работе.

Что еще хотелось бы сказать? В 2002 году при университете создан Покрово-Татьянинский храм. А камень кто закладывал? Владыка! Везде, во всем он содействовал нам, не пропустил ни одной конференции, которые по вопросам православного воспитания стали проводиться ежегодно, всегда выступал с докладами. В процессе работы на конференциях священнослужители и светские преподаватели приходили к удивительному взаимопониманию, казались единой большой семьей. Интересно, что все конференции начинались с молебна в нашем конференц-зале, где раньше проводились партсобрания. Хотя,

*Профессор В. Н. Беляева, митрополит Симон
и кандидат педагогических наук О. Н. Маслюк*

конечно, еще раньше зал был помещением домового Покровского храма при Рязанском епархиальном училище, так что, видимо, по воле Божьей все возвращается на круги своя...

Владыка оставил нам хорошее наследие: его проповеди, труды есть у нас, в своей работе мы часто к ним обращаемся. Очень жаль, что не успел владыка закончить свою работу по творениям святителя Игнатия (Брянчанинова), это мог бы быть прекрасный учебник для наших студентов. Владыка – это ученый, ученый-богослов, вскрывающий в каждой своей проповеди невероятные богословские глубины, опираясь на кропотливое изучение Священного Писания, творений святых отцов и личный жизненный опыт. Его труды, я думаю, войдут в историю Русской православной церкви. Заслуга митрополита Симона еще и в том, что наконец в нашем университете стали защищаться диссертации по православной тематике, о чем раньше в светском вузе мало кто мог подумать. А сейчас и Центр православной педагогической культуры, и отделение теологии продолжают свою работу именно в том направлении, которое прозорливо было определено для нас владыкой.

**Татьяна Синельникова,
директор Государственного
архива Рязанской области**

Познакомились мы с митрополитом Симоном в начале 90-х годов бурного XX века. Тогда впервые люди, наконец-то получившие свободу, решили восстановить историческую справедливость и вернуть Христорожественский собор Русской православной церкви. Но никто не подумал тогда о том документальном богатстве, которое хранится в наших архивах, а ведь прежде чем освободить собор, необходимо было найти достойное помещение для своего документального наследия.

Испугавшись за архив, я почему-то побежала к владыке Симону. Сама далекая от Бога и православия, я была уверена, что владыка все поймет и, коль верит в Бога, не даст совершиться несправедливости. В то время я даже не могла произнести слово «владыка» и при первой нашей встрече называла его по имени и отчеству. Ни тени смущения или неприязни с его стороны – только теплота и доброта в лучистых глазах и светлая улыбка. Я не помню, о чем мы говорили, но было чувство, что нахожусь с давно знакомым и близким человеком: на душе было спокойно и радостно.

Потом Господь привел меня в храм, а с епархией началась плодотворная работа. Началась совместная работа над книгой о новомучениках, и, наконец, – долгожданный переезд одного из архивохранилищ Государственного архива Рязанской области из Христорожественского собора в новое здание. На хрупкие

женские плечи (а коллектив наш, в основном, женский) легли тонны связок и коробок, хотя и помогали нам многие. Слава Богу, рядом всегда был владыка Симон, заинтересованный в скором освобождении храма. И на помощь нам приходили студенты Духовного училища по его благословению.

Вспоминается мне неустанная забота владыки о том, как шла реконструкция здания под архив. Несмотря на свои болезни, владыка поднимался на 7 этаж и знакомился, в каком состоянии находится здание – вдруг нас волевым решением выселяют в неготовые архивохранилища! Строительная пыль, грязь, неработающие лифты, на лестницах еще нет перил – а владыка вместе с прот. Сергием Трубиным проводят осмотр здания и радуются, что все идет нормально! И неудивительна эта забота, ведь владыка Симон знал цену документам, вел научную работу, много писал, занимался в архивах, в том числе и в нашем архиве...

**Евгений Каширин,
фотограф-художник, краевед,
заслуженный работник
культуры РФ
+ 2007**

Моя личная встреча с митрополитом Симоном состоялась в 1987 году, когда он еще был архиепископом. Я пришел к нему на прием в связи с тем, что хотел передать в дар епархии наперсный серебряный крест моего деда Евгения Ивановича Пищулина. Он был священником, и в годы гонений на Церковь его арестовали. В 1937 году священника Евгения Пищулина расстреляли.

Его наперсный крест хранился у бабушки. И вот я решил передать его Рязанской епархии, а точнее, в церковь, где когда-то служил мой дедушка. Причем хотелось, чтобы на нем выгравировали надпись, гласящую, что этот крест носил священномученик Евгений Пищулин.

Пришел я в епархиальное управление на улице Фрунзе, зашел в приемную. Так там уютно было, так хорошо. По стенам висели картины, в клетках пели птички...

Владыке доложили. Смотрю, он лично вышел меня встречать. Встал у двери и пригласил меня войти к нему в кабинет. С большим уважением встречал, в кабинет вначале вошел я, а только потом он. Я рассказал ему о своем дедушке, он очень заинтересовался его судьбой. Когда сказал ему о своем желании передать епархии крест, владыка Симон посоветовал, чтобы я пока оставил его у себя. «Может, сын твой, —

говорил он, – когда-то в семинарии учиться будет, священником станет». После этого разговора я стал показывать владыке сделанные мной фоторепродукции с дореволюционных снимков рязанских храмов. Когда говорил, какой храм запечатлен на фотографии и показывал его, то для удобства вставал. К моему удивлению, владыка Симон тоже вставал. «Евгений Николаевич, когда Вы встаете, я тоже встаю». Конечно же, я недостоин был такого архиерейского внимания. Просто владыка являлся настолько учтивым человеком, что его внимательное, уважительное поведение простиралось на всех, кто обращался к нему.

Владыке Симону очень понравились мои фотографии, особенно то, что они были вирированные в тон «сепия», то есть в коричневых тонах, под старину. Я подарил ему эти фотографии.

А он вдруг достал из ящика стола красные десятирублевые купюры «червонцы» и, отсчитав мне десять штук, протянул: «Это Вам, Евгений Николаевич, в счет работ, которые вы сделаете для епархии». Десять «червонцев» – это сто рублей, по тем временам большие деньги, эта сумма составляла мою месячную зарплату. «Ваше Высокопреосвященство, не могу принять эти деньги, – сказал я тогда, – дайте мне какое-либо конкретное задание, чтобы я мог их отработать». И владыка послал меня в Пощупово сделать для истории фотографии разрушенного Иоанно-Богословского монастыря, который передали епархии и готовили к восстановлению.

Я съездил в монастырь, сделал множество различных фотографий и передал владыке Симону. Они ему

Иоанно-Богословский монастырь перед передачей его епархии

понравились, и он предложил мне по совместительству работать епархиальным фотографом. Я с радостью согласился. Это было счастливое время близкого общения с добрым, отзывчивым архипастырем. Приходилось ездить в интересные командировки, быть участником интересных событий. Владыка часто выступал на различных конференциях, знаменательных мероприятиях, торжествах. Я фотографировал его во время торжественных богослужений, освящений храмов, фотографировал при встречах с патриархом, с видными церковными иерархами, с руководящими работниками Рязани и Рязанской области.

Снимать приходилось много. Причем он всегда лично звонил мне с просьбой сделать те или иные фотосъемки. Так, по его просьбе, я ездил к нему на

родину, в село Кишаново, и снимал интерьер Никольской церкви, в которой его крестили. Она находится в соседнем селе Николо-Отводное. Ее тогда только передали Ярославской епархии и собирались реставрировать. А владыка Симон хотел, чтобы я заснял ее хоть и полуразрушенный, но все-таки первоначальный, исторический вид.

Помню, снимая свод, я залез по лесам наверх. Высоко залез и когда глянул вниз, то даже испугался. Чтобы не потерять равновесие, я передвигался на четвереньках, а фотографировал стоя на коленях. Наверное, в этом проявилась Божья воля.

Я вспомнил этот случай, когда мне пришлось делать фотосъемку икон в Борисоглебском соборе. Там они вставлены в киот, застеклены. Я никак не мог найти точку, с которой можно заснять иконы, чтобы они не бликовали от стекла. В конце концов эта точка нашлась.

Оказалось, что такие иконы можно сфотографировать лишь стоя на коленях. Думается, что это не случайно, ведь святые иконы требуют к себе особого почтения.

Однажды я очень удивился тому, насколько внимательно владыка следил за моими работами. Дело было так. Редактор газеты «Благовест» Ирина Евсина попросила снять утренний вид Успенского собора Рязанского кремля. И чтобы над ним вставало солнышко. Но получилось так, что я проспал восход и не смог сделать такой вид и решил пойти на хитрость. Фото собора у меня было, фото солнышка тоже.

Я сделал фотомонтаж, и получилось солнышко над собором. «Снимок» очень понравился Ирине Ев-

синой, она поместила его на первую полосу. Многие любовались им и ничего не замечали. Но вдруг Ирина звонит мне и говорит: «Женя, тебя владыка Симон просит зайти к нему» – «А что случилось?» – спрашиваю. «Да что-то там насчет фотографии».

Я пришел в епархиальное управление, владыка, как всегда вежливо, принял меня. Поговорили о текущих делах, а потом он и говорит: «Евгений Николаевич, в «Благовесте» опубликована ваша фотография. Интересная ... Скажите мне, как же это так получилось, что солнце на ней светит слева, а свет на собор падает справа?»

Я сильно растерялся, а потом собрался с духом и чистосердечно признался, что сделал фотомонтаж. Он заулыбался. «А вы игривый человек, Евгений Николаевич. Но постарайтесь больше так не делать».

Е. Н. Каширин за работой

Я тогда был поражен. Сколько человек видели эту фотографию и нахваливали, ничего не замечая. Заметил только владыка Симон, вечно занятый, вечно загруженный чем-то человек.

Мне приходилось снимать его во время разных событий. При освящении храмов он допускал меня в алтарь.

Делал я и его фотопортреты. Имея высокий сан, он не был консервативен, не старался выглядеть как можно более внушительно. Никогда не давал мне указания, как именно я должен фотографировать. Наоборот, советовался со мной, как он должен сидеть, как держать голову. Просил лишь о том, чтобы всегда было видно крест и панагию.

Я мог снимать его неожиданно, то есть тогда, когда он этого не ожидал. Другой бы возмутился такими творческими экспериментами, а он относился к ним с пониманием. У меня есть, например, фотография, на которой владыка снят отраженным в зеркале.

Вообще он интересовался творческими людьми, их работами. Посещал выставки рязанского художника Юрия Кузнецова, который писал картины на православную тематику.

В 1995 г. был на открытии выставки известного рязанского художника Виктора Иванова.

*Владыка Симон на выставке картин Виктора Иванова
(художник Иванов – крайний справа)*

Кроме того, митрополит Симон интересовался книгами рязанских писателей и краеведов.

По его благословию вышла замечательная книга доктора филологических наук О. Е. Вороновой «Сергей Есенин и русская духовная культура», а также краеведческая книга, созданная мной совместно с Н. Н. Аграмаковым – «Губернская Рязань на старинных фотографиях».

Порой владыка сам записывал какие либо интересные его рассказы. Так он записал за мной рассказ о том, как в 1978 г. вскрывали склепы рязанских архиереев в Архангельском соборе Рязанского кремля.

Когда я решил сделать телефильм об Архангельском соборе, то сказал митрополиту Симону, что хочу купить алые розы и положить по одной на место каж-

дого из склепов. «Вы лучше, Евгений Николаевич, белые розы купите, – сказал тогда владыка, – а поскольку они очень дорогие, то возьмите, пожалуйста, деньги и от меня».

Конечно, мне было жаль, когда он уходил на покой. С волнением я снимал торжественную встречу двух владык – митрополита Симона и назначенного на его место архиепископа Павла.

Когда они совместно молились в Христорождественском соборе у мощей святителя Василия Рязанского, то у владыки Симона выступили слезы на глазах...

Хроника архиерейского служения
митрополита
СИМОНА (НОВИКОВА)
на Рязанской кафедре

1972 год

11 октября архимандриту Симону (Новикову), инспектору Московских духовных академии и семинарии, Постановлением святейшего патриарха Московского и всея Руси Пимена и Священного Синода было определено быть епископом Рязанским и Касимовским на одной из древнейших кафедр Русской православной церкви, основанной в 1198 году.

13 октября, в канун праздника Покрова Пресвятой Богородицы, после всенощного бдения в Покровском храме Московской духовной академии митрополитом Таллинским и Эстонским Алексием (ныне патриархом Московским и всея Руси) в сослужении других иерархов РПЦ совершилось наречение архимандрита Симона во епископа Рязанского и Касимовского.

14 октября, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, за Божественной литургией в Покровском храме те же иерархи, которые участвовали в наречении, совершили хиротонию архимандрита Симона во епископа.

19 октября в шесть часов вечера владыка Симон прибыл в Рязань. Владыка признавался, что его устращала высота, на которую его возвели, и ответственность, которую он взял на себя, но он верил, что это воля Господня.

1978 год

Владыка Симон был возведен в сан архиепископа.

При святейшем патриархе Пимене он трижды вызывался для участия в работе Священного Синода.

1987 год

Исполнилось триста лет кафедральному Борисо-Глебскому собору. Торжества по этому случаю были приурочены к празднованию перенесения мощей святителя Василия Рязанского, **23 июня**. Накануне торжества после Божественной литургии почетный настоятель собора архимандрит Авель (Македонов), с клириками собора отслужил панихиду по всем почившим архипастырям, пастырям, строителям и благоукрасителям, почившим прихожанам собора. Всенощное бдение с чтением акафиста святителю Василию в соборе совершали митрополит Одесский и Херсонский Сергей (Петров), управляющий делами Московской патриархии архиепископ (ныне митрополит) Воронежский и Липецкий Мефодий, прибывшие на праздник.

Впервые была совершена служба Собору Рязанских святых.

23 июня Высокопреосвященнейший Сергей в сослужении архиепископов Симона и Мефодия совершил Божественную литургию. Перед началом праздничного молебна митрополит Сергей зачитал юбилейное Послание святейшего патриарха Московского и всея Руси Пимена, вручил Патриаршую грамоту Борисо-Глебскому собору в честь его 300-летия и икону Божией Матери «Умиление». Гости посетили рязанские музеи, побывали в Солотчинском монастыре, в Епархиальном управлении.

24 июня митрополит Сергей в сослужении архимандрита Авеля, архимандрита Иоанна (Сипратова) и местных клириков в Скорбященском храме Рязани совершил молебен перед иконой Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

В честь 300-летия кафедрального собора за усердные труды во славу Святой Церкви архиепископ Симон награжден орденом преподобного Сергия Радонежского II степени.

В связи с юбилеем патриарших наград были удостоены клирики и члены соборного причта.

1988 год

Русская православная церковь, весь христианский мир праздновал 1000-летие Крещения Руси.

Это был переломный год во взаимоотношениях Церкви и государства. В рамках празднования юбилея Рязанскую епархию посетил митрополит Ростовский и Новочеркасский (ныне митрополит Киевский и всея Украины) Владимир.

Он возглавил служение всенощного бдения **22 июня** и Божественной литургии **23 июня** в кафедральном Борисо-Глебском соборе, осмотрел достопримечательности Рязанского кремля.

С 6 по 9 июня в Москве проходил Поместный собор Русской православной церкви. От Рязанской епархии в нем участвовали архиепископ Рязанский и Касимовский Симон, архимандрит Авель, духовенство и миряне.

На Соборе был прославлен святитель Феофан Вышенский Затворник.

В том же году мощи святителя были переданы Рязанской епархии. При положении мощей в раку в Сергиевском храме села Эммануиловка Шацкого района богослужение возглавил архиепископ Рязанский и Касимовский Симон. Пел хор Московской духовной академии.

1989 год

Весной этого года возродился первый в Рязанской епархии и один из первых в стране мужской

монастырь – Свято-Иоанно-Богословский (с. Пощупово Рыбновского района).

20 мая архиепископ Симон в сослужении заместника монастыря архимандрита Авеля освятил престол главного монастырского собора в честь святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

21 мая, в день памяти апостола, при большом стечении народа состоялось торжественное открытие монастыря, в котором, кроме того, участвовали архиепископ (ныне митрополит) Чебоксарский и Чувашский Варнава, архиепископ Гродненский и Волковысский (ныне митрополит Оренбургский и Бузулукский) Валентин, епископ Южно-Американский и Аргентинский (ныне архиепископ Каширский, викарий Московской епархии; управляющий приходами Московской патриархии в Канаде) Марк. Настоятелем монастыря стал владыка Симон.

1990 год

13 июля из фондов Рязанского государственного историко-архитектурного музея-заповедника Рязанской епархии была передана честная глава благоверного князя Олега Ивановича Рязанского.

Архиепископ Рязанский и Касимовский Симон и архимандрит Авель, заместитель Свято-Иоанно-Богословского монастыря, приняли честные останки в стенах музея. После чего честная глава благоверного князя Олега Ивановича была перевезена в Иоанно-Богословский монастырь. В 2001 году передана Солотчинскому Рождества Богородицы монастырю, основанному князем Олегом Ивановичем Рязанским.

В этом году в Рязанской епархии возродился первый женский монастырь – Вышенская Свято-Успенская пустынь в Шацком районе. До закры-

тия это был мужской монастырь, в котором на покое (в затворе) жил святитель Феофан Вышенский. Корпуса монастыря были заняты психиатрической больницей. Храмы разрушены. Сестры обители поселились в нескольких километрах от обители – в местечке Быкова Гора. Игуменьей монастыря назначена монахиня Нонна (Знаменская).

5 февраля в Рязанской епархии начало действовать возрожденное православное духовное училище. Его первым ректором был клирик кафедрального Борисо-Глебского собора протоиерей Анатолий Лазарев. Здания у училища тогда не было. И занятия проводились в крестильном храме собора. С 1996 года духовное училище, ныне преобразованное в семинарию, размещается в одном из корпусов Спасского монастыря на территории Рязанского кремля. В 1990 – 1995 годах ректором Рязанского православного духовного училища был архиепископ Симон.

1991 год

Рязанскую епархию впервые посетил святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

Его визит был приурочен к празднованию памяти святителя Василия Рязанского и Собора Рязанских святых. Вместе со святейшим патриархом в Рязанскую епархию прибыли архиепископ Тамбовский и Мичуринский (впоследствии Нижегородский и Арзамасский) Евгений, епископ (ныне архиепископ) Истринский Арсений.

Святейший владыка посетил Свято-Иоанно-Богословский монастырь, где отслужил молебен покровителю монастыря, апостолу и евангелисту Иоанну Богослову. **22 июня** совершил всенощное бдение с чтением акафиста святителю Василию Рязанскому и **23 июня**, в день памяти святителя Василия и Собо-

ра Рязанских святых, – Божественную литургию в кафедральном Борисо-Глебском соборе Рязани; крестным ходом вместе с духовенством и мирянами Рязанской епархии прошел в Рязанский кремль к Христорождественскому собору к мощам святителя Василия Рязанского. Святейший владыка побывал также в Вышенском Свято-Успенском монастыре, где поклонился мощам святителя Феофана Вышенского, которые находились тогда в Сергиевском храме с. Эммануиловка Шацкого района.

1993 год

Отмечен пребыванием в Рязанской епархии митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя Отдела внешних церковных сношений, постоянного члена Священного Синода Русской православной церкви.

Его официальный визит начался **22 июня** и посвящался празднованию перенесения мощей святителя Василия Рязанского, Собора Рязанских святых и прославлению священномученика Иувеналия (Масловского) в лике местночтимых святых.

Митрополит Кирилл посетил Свято-Иоанно-Богословский монастырь, где отслужил молебен покровителю монастыря, познакомился с историей обители, с бытом и трудами современной братии. Вечером того же дня владыка Кирилл в сослужении архиепископа Рязанского и Касимовского Симона и духовенства Рязанской епархии совершил всенощное бдение с акафистом святителю Василию Рязанскому в Успенском соборе Рязанского кремля.

23 июня митрополит Кирилл, архиепископ Симон и духовенство Рязанской епархии совершили Божественную литургию в Успенском соборе Рязанского кремля.

Владыка Кирилл зачитал постановление епархиальной комиссии по прославлению архиепископа Рязанского и Шацкого Иувеналия.

После Богослужения на площади перед Христорождественским собором был отслужен молебен святителю Василию. Позже, у Борисо-Глебского кафедрального собора, митрополит Кирилл встретился с администрацией Рязани и Рязанской области: в крестильном храме в ограде собора был дан торжественный обед в честь высокого гостя. На нем, в частности, выступили архиепископ Рязанский и Касимовский Симон, заместитель главы администрации Рязанской области Н. Булаев, президент Всемирного фонда славянской письменности и культуры В. Клыков, настоятель Борисо-Глебского собора протоиерей Андрей Правдолюбов.

Директор музея-заповедника Рязанского кремля Л. Максимова передала управляющему Рязанской епархией владыке Симону мантию святителя Мисаила.

1994 год

23 января исполнилось 100 лет со дня представления святителя Феофана Вышенского Затворника.

На юбилейные торжества в Рязанскую епархию прибыли митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, архиепископ Гродненский и Волковысский (ныне Оренбургский и Бузулукский) Валентин, епископ Владимирский и Суздальский Евлогий. Накануне дня памяти святителя Феофана архипастыри совершили всеобщее бдение, а в день его памяти – Божественную литургию в Сергиевском храме с. Эммануиловка Шацкого района. Затем был отслужен молебен святителю. После чего архипастыри посетили Вышенскую

Свято-Успенскую пустынь, где в Христорождественском соборе митрополит Питирим отслужил молебен Казанской иконе Божией Матери.

1995 год

Этот год отмечен визитом Президента Российской Федерации Бориса Ельцина.

27 марта в Рязанском кремле Президента страны встречал архиепископ Рязанский и Касимовский Симон. После осмотра достопримечательностей кремля Б. Ельцин встретился с представителями интеллигенции.

23 июня Рязанская епархия праздновала 700-летие преставления своего первосвятителя-епископа Василия Рязанского.

Юбилейные торжества были приурочены ко дню перенесения мощей святителя и празднования Собора Рязанских святых.

Возглавил праздник митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, постоянный член Священного Синода Русской православной церкви.

1 августа состоялся крестный ход в честь 725-летия мученической кончины святого благоверного князя Романа Рязанского в кафедральном Борисо-Глебском соборе.

В Иоанно-Богословском монастыре всенощное бдение и Божественную литургию совместно с Владыкой Симоном и собором духовенства совершал архиепископ Солнечногорский Сергей.

2 августа владыка Сергей совершил всенощное бдение и Божественную литургию в Екатерининском храме Рязани. Архиепископ Симон совершил Божественную литургию в Солотчинском монастыре.

Закончились праздники православными чтениями, посвященными памяти святого князя.

В сентябре, в День города, Рязань праздновала 900-летие.

Праздник начался Божественной литургией в Успенском соборе Рязанского кремля, которую возглавил архиепископ Рязанский и Касимовский Симон.

3 октября исполнилось сто лет со дня рождения великого русского поэта, нашего земляка Сергея Есенина. На торжественном собрании, посвященном этой дате, владыка Симон сказал о Сергее Есенине: «Это – великий талант, имевший заботливое сыновнее сердце и щемящую, или, выражаясь словами самого поэта, сосущую любовь к России. С необычайной теплотой и нежностью говорил Сергей Александрович о Родине, о вере народной, о простых людях.

Совсем недалеко от дома Есенина стоит Свято-Иоанно-Богословская обитель. И, видимо, благодать Божия – это сокровище обители – коснулась и юной души отрока Есенина.

Нет необходимости говорить о его жизни с ее страстями и ошибками, грехами и падениями. Этой жизнью, конечно, страдала и изнывала его душа. Но эту жизнь преодолевал его дух. Преодоление себя, своей души в слове и обретение через слово своего духа есть самое и таинственное, и могущественное в творчестве Есенина».

1997 год

14 октября исполнилось двадцать пять лет архиерейской хиротонии архиепископа Рязанского и Касимовского Симона.

За восьмивековую историю Рязанской епархии лишь двое архипастырей достигали столь почтенного и величественного рубежа: епископ Рязанский и Муромский Иона (1522 – 1547) и архиепископ Рязанский и Шацкий Симон (Лагов, 1778 – 1804). По этому случаю в адрес рязанского архипастыря поступила теле-

грамма от Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II: «Памятный день двадцатипятилетия архиерейского рукоположения Вашего Высокопреосвященства молитвенно вспоминаю Вас, дорогой владыка, искренними пожеланиями здоровья, долголетия, щедрой помощи Божией в Вашем архипастырском служении. Считаю справедливым удостоить Вас ордена князя Даниила второй степени. С любовью патриарх Алексей».

В этот день поздравления пришли от руководителей Рязани и Рязанской области, от организаций и огромного числа верующих, от лиц духовных и светских.

К этому времени в Рязанской епархии насчитывалось 165 действующих храмов и семь монастырей, были зарегистрированы и ждали восстановления 36 церквей. Восьмой год действовало православное духовное училище, открылась православная гимназия во имя святителя Василия Рязанского. Были налажены добрые отношения с Рязанским гарнизоном и Управлением исполнения наказания Минюста РФ по Рязанской области: православные священники получили возможность духовно окормлять солдат и офицеров, работать с осужденными воспитательной и исправительных колоний, расположенных на территории Рязанской области. В Рязанском епархиальном управлении действуют отделы религиозного образования и катехизации, по работе с Вооруженными Силами и правоохранительными органами. В епархии издаются два журнала – «Рязанский церковный вестник» и «Вышенский паломник», газета «Благовест», еженедельно выходят в эфир радио- и телепрограммы, рассчитанные на людей, интересующихся православием.

В том же году Указом Президента Российской Федерации за заслуги перед государством и мно-

голетний добросовестный труд архиепископ Рязанский и Касимовский Симон награжден орденом Дружбы.

Награду владыке вручал глава администрации Рязанской области В. Любимов. В ответ на высокую оценку своего труда архиепископ Симон сказал: «С чувством глубокой благодарности правительству принимаю эту высокую награду.

Я отношу ее не как высокий знак внимания к моим скромным трудам, а как признание вклада православной церкви на благо нашего Отечества, на созидание мира на земле...

Святая Православная Церковь всегда была со своим народом: и в годы испытаний, и в радости. Православные пастыри с церковных амвонов призывали и призывают верующих к твердости духа и мужеству, к непоколебимой вере в то, что с помощью Божией если не мы, то дети наши смогут увидеть Россию могучим государством».

16 июля совершено торжественное прославление в лике местночтимых святых блаженного Василия Петровича Кадомского.

1998 год

Юбилейный год для Рязанской епархии – год ее 800-летия.

Торжества были приурочены к дням памяти святителя Василия Рязанского и Собора Рязанских святых.

21 июня, в День Всех святых, в земле Российской просиявших, архиепископ Рязанский и Касимовский Симон отслужил первую Божественную литургию в только что освященном им Успенском храме Вышенского Свято-Успенского монастыря. На торжестве присутствовали жители окрестных сел, паломники из Шацка, Касимова, Рязани.

Официальные торжества начались 22 июня приездом делегации Московской патриархии.

Возглавил ее митрополит Солнечногорский, управляющий делами Московской патриархии Сергей. Первым на пути следования гостей был Свято-Иоанно-Богословский монастырь, где делегацию встречал наместник монастыря архимандрит Авель с братией.

По пути в Рязань гости заехали на могилу архиепископа Орловского и Брянского Глеба (Смирнова) в село Летово Рыбновского района и отслужили там заупокойную литию. В тот же день в Успенском соборе Рязанского кремля было совершено всенощное бдение с чтением акафиста святителю Василию Рязанскому.

23 июня, в день Собора Рязанских святых, Божественную литургию в Успенском соборе Рязанского кремля служили митрополит Солнечногорский Сергей, архиепископ Рязанский и Касимовский Симон, архиепископ Владимирский и Суздальский Евлогий, епископ (ныне архиепископ) Самарский и Сызранский Сергей, епископ (ныне архиепископ) Верейский, викарий Московской епархии Евгений.

К этому благословенному дню были открыты мощи святой блаженной Любви Рязанской и обретены святые мощи святителя Мелетия.

Архиепископ Солнечногорский Сергей зачитал Послание Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II, в котором Его Святейшество сердечно поздравил рязанцев со знаменательным юбилеем:

«Год от года возрастало значение епархии в церковной и общественной жизни. На рубеже XIX и XX столетий она была одной из древнейших в России... Но революционный принцип, призывающий разрушить старый мир до основания,

не пощадил святынь Рязанской земли. Ныне с надеждой и любовью восстанавливаются порушенные в прошлом святыни; возрождается церковно-приходская жизнь... люди возвращаются к своим истокам».

2000 год

25 февраля вышел Указ Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II:

«Во внимание к усердному служению Церкви Божией, Ваше Преосвященство, удостоиваетесь возведения в сан митрополита».

Первое архиерейское служение владыки Симона в сане митрополита было совершено в Свято-Троицком монастыре Рязани. Владыка Симон стал шестым Рязанским митрополитом после митрополитов Рязанских и Муромских Илариона (1657 – 674), Иосифа IV (1674 – 1681), Павла (Моравского, 1681 – 1686), Авраамия (1687 – 1700), Стефана (Яворского, 1700 – 1722).

22-25 мая в Рязани проходили пятнадцатые Всероссийские дни славянской письменности и культуры, приуроченные к празднованию памяти просветителей славян, равноапостольных Мефодия и Кирилла. Приветственное Послание участникам дней славянской письменности направил Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

Праздник славянской письменности и культуры каждый год проходит в новом городе. Рязань приняла эстафету у Пскова.

В знак преемственности у Успенского собора Рязанского кремля состоялась передача вечеревого колокола. В программу праздника входили научно-практические конференции, выставки редких книг, концерты, презентации, грандиозная поэтория, которая транслировалась в прямом эфире телеканала «Культура».

Центральным пунктом праздника стала Божественная литургия и молебен в Успенском соборе Рязанского кремля в день памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 24 мая. Службу в Успенском соборе Рязанского кремля возглавили митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, митрополит Рязанский и Касимовский Симон, митрополит Волгоградский и Камышинский Герман, архиепископ Ярославский и Ростовский Михей и другие иерархи РПЦ.

Среди гостей праздника была вице-премьер Российского правительства Валентина Матвиенко.

14-19 августа в храме Христа Спасителя в Москве проходил юбилейный Архиерейский собор, на котором были прославлены новомученики и исповедники Российские. Среди них – рязанцы.

В работе Собора принимали участие митрополит Рязанский и Касимовский Симон и епископ Шацкий, викарий Рязанской епархии Иосиф.

2001 год

16 января в Кремле Президент Российской Федерации В. В. Путин вручил государственные награды Святейшему патриарху Московскому и всея Руси Алексию II и группе иерархов и священнослужителей Русской православной церкви. Среди них был и митрополит Рязанский и Касимовский Симон.

Высокопреосвященнейшему владыке Президент вручил орден Почета, как сказано в Указе, «за большой вклад в укрепление гражданского мира и возрождение духовно-нравственных традиций».

В сентябре 2001 года на праздновании Дня города Рязани митрополиту Рязанскому и Касимовскому Симону решением Рязанского городского

Совета присвоено звание почетного гражданина города.

В октябре 2001 года в Рязанском государственном педагогическом университете открылось новое отделение на факультете русского языка и литературы — теологическое. Около полусотни студентов стали учиться на дневном и заочном (коммерческом) отделениях.

В декабре 2001 года в Москве проходил VI Всемирный Русский народный собор, собравший представителей России, СНГ и дальнего зарубежья.

Главная тема, которая обсуждалась на Соборе, была: «Россия: вера и цивилизация. Диалог эпох».

В составе рязанской делегации в работе Собора принимал участие митрополит Рязанский и Касимовский Симон. Он сделал доклад на тему «Церковь, нация, государство».

2002 год

Главным событием стал второй визит в Рязанскую епархию Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Святейший владыка в сослужении митрополита Рязанского и Касимовского Симона, архиепископа Нижегородского и Арзамасского Евгения, архиепископа Владимирского и Суздальского Евлогия, епископа Шацкого Иосифа, епископа Дмитровского Александра, епископа Сергиево-Посадского Феоноста совершил перенесение мощей святителя Феофана Вышенского Затворника из с. Эммануиловка Шацкого района в Вышенский Свято-Успенский монастырь. Освятил Христорождественский собор Рязанского кремля и Вознесенский собор г. Касимова; встретился с воинами Рязанского гарнизона, общественностью Рязани и Касимова.

2003 год

5 февраля митрополиту Рязанскому и Касимовскому Симону исполнилось 75 лет.

В своем послании по этому поводу Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексей II отметил: **«Во всех жизненных испытаниях Вы являлись примером верности и своему призванию.**

С любовью и усердием Вы совершаете свое служение... Ваш голос зовет людей жить по заповедям Божиим»

Святейший патриарх наградил владыку Симона орденом свт. Макария II степени.

Поздравления с 75-летним юбилеем владыка получил как от иерархов Русской православной церкви, множества верующих, так и от государственных мужей, среди которых были полномочный представитель Президента РФ в Центральном федеральном округе Г.С. Полтавченко, член Совета Федерации Федерального Собрания РФ И.Н.Морозов, глава администрации Рязанской области В.Н. Любимов, глава администрации г.Рязани П.Д. Маматов и другие.

В мае 2003 г. Священный Синод Русской православной церкви удовлетворил прошение митрополита Рязанского и Касимовского Симона о переходе на покой в связи с его 75-летием.

Содержание

Сила Божией благодати. Вступление.....	3
Глава первая. Я посох свой доверил Богу.....	19
Глава вторая. Силы небесные Крест окружают.....	39
Глава третья. Благие плоды просвещения.....	55
Глава четвертая. Господь благословит служение мое....	67
Глава пятая. Еще о нас печалуется Троица.....	81
Глава шестая. Для ума и для души.....	101
Глава седьмая. В новый день, когда над миром новым...	119
Глава восьмая. Не нам, Господи, но имени Твоему.....	133
Глава девятая. Все тот же виден монастырь.....	145
Глава десятая. Знак Божией милости.....	161
Глава одиннадцатая. Воспоминания.....	177